

К/У
«LE MESSENGER»

«THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE TRIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 38

III—1955

ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Настоящий отрывок взят из статьи архим. Ф. Бухарева «Дванадцатые церковные праздники», напечатанной в его книге «О Православии в отношении к современности».

Нужно, чтобы тайна или сила этого праздника раскрылась и воздействовала в невестах Христовых — наших душах, по слову псалма: «приведутся Царю девы в след Ея» (Псал. 44, 5).

В новом Иерусалиме, который и есть невеста Агнца, одетая в чистый и светлый виссон праведности святых (Апок. 19, 7, 8; 20, 2), «сам Господь Бог Вседержитель храм ему есть и Агнец» (20, 22). Итак будьте душою, как трехлетняя отроковица и, с детскою простотою и небоязненностью веры, входите во святая святых ново-иерусалимского храма, по благодати и «в след» Пресвятой Богородицы. — Как же это? Как проникнуть в это пренебесное святилище, каков «Сам Господь Бог Вседержитель и Агнец»? — Бог Слово, единосущный Отцу и Св. Духу, для того и воплотился, и во плоти нисходил даже до смерти, как Агнец заколенный за нас, — для того, говорю, чтобы чрез это открыть нашей вере (хотя бы мы и омертвели грехами) доступ в пренебесная святая святых. И смотрите, как детскою вере просто воспользоваться таким доступом: — Апостол сказал, что Бог Слово — Христос, есть существенное «сияние славы» Отца (Евр. 1, 3), и что «никто не может» даже только «назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12, 3). Итак призывайте сущего и все исполняющего Св. Духа, как можно чаще, и особенно за богослужением в храме, и в силе Св. Духа взирайте своим умом и сердцем к Божию Агнцу — Богу Слову, Христу; а во Христе, как в солнце свет, созерцайте и Бога Отца, — созерцайте Отчую любовь, со всеми сокровищами Божества существенно раскрытую в Сыне по Его Божеству, а, по домостроительству Его воплощения, открытую и для нас грешных в силе Св. Духа. Сказанное повторю еще кратко: «с детскою простотою веры, во Св. Духе взирайте ко Христу — Сыну Божию, а в Сыне созерцайте Отца с Его славою и любовью».

Когда Божия Матерь даст вам понять и усвоить это, простое для веры, духовное делание, то вы истинно будете входить во святая святых, вслед за Пресвятою Девкою — трехлетнею отроковицею, и здесь будете, подобно Ей, питаться ангельскою пищею благодатных утешений и слова Божия. Да! точно, как небесною пищею, будет питаться душа ваша такими мыслями и чувствами, что если в Боге Слове — Христе, почивает вся полнота

Отчего благоволения и любви, то не иначе, как в Нем же, благоволение и любовь Отца простираются и на все создания, дав им бытие, сохраняя их, спасая грешных, возводя верных в славу. Во всем, что ни есть, вы будете верою видеть любовь Отца, сияющую в Сыне; ибо не иначе, как по ее же попущению, существует и самое зло в мире, а всякое истинное добро есть прямо дар этой любви Отца, в Сыне раскрытой и «изливающейся Св. Духом» на приемлющих (Рим. 5, 5). И таким образом всюду, где бы вы не находились при таком делании веры вашей, вы будете чувствовать себя точно, как во храме Божием, во храме любви Отчей, всюду в Сыне сияющей, «светящейся» даже и «во тьме» грехов и заблуждений и такую «тьмою необъемлемой» (Иоан. 1, 5). И чего вы во Св. Духе не испросите у Отца — во имя Сына, в котором вся Его любовь? О если бы дал мне Господь когда-нибудь поздравить вас с этим «праздником Введения Богоматери во Храм», как дознаваемым вами в самой силе! Вы будете своею верою понимать и чувствовать, что самое вечное блаженство святых есть не что иное, как открытое наслаждение во Св. Духе любовью Отца, сияющею в Сыне — Боге Слове, как Им самим сказано: «да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них... Да видят славу Мую, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира» (Иоан. 17, 26, 24). Вы будете понимать и чувствовать своею верою, почему будут вечные, нескончаемые муки злых. Это потому, что во Христе — Сыне Божием почивает любовь Отчая всею своею полнотою, и только в Нем простирается на создания; и потому, если кто не усвоит своим духом этой любви Божией во Христе, и даже воспротивится ей и в расположении решительного ей противления перейдет в будущую жизнь, то о таком не будет уже, и быть не может, ни малейшего сожаления у Отца во веки веков, и он будет отвержен Богом любви на всю вечность. Вне Христа — Бога Слова, нет любви Отчей, ибо она почивает в Нем всею своею полнотою со всеми силами и дарами Св. Духа. Кто на суде окажется чуждым Христа, о том не будет и быть не может ни тени сожаления ни у Бога, ни у святых, во всю вечность. Как сильно душа ваша будет при таких мыслях воспламеняться желанием приводить всех, кого можно, и особенно присных ваших — ко Христу, к разумному и сердечному участию в любви Божией, во Христе открытой и изливающейся Св. Духом! Как жалко будет вам тех людей, особенно детей, которым дается направление мимо или даже против любви Божией во Христе! Вы, конечно, всем существом своим бросились бы спасти столь очевидно погибающих. Все, что непричастно самого духа и силы любви Отца, во Христе — Боге Слове, раскрытой

даже для грешных и омертвелых, будет для вас самою жалкою формою; и к чему бы вы не прикоснулись своею душою в таком ее настроении, — изветшавшие, мертвые формы обновлялись бы и оживали в вас. Божия Матерь да подаст вам и всем вашим войти в дух и силу праздника Введения своего во храм Господень!

Архим. Феодор Бухарев *).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПРОПОВЕДНИКА-МИССИОНЕРА.

Рассказы проповедника-миссионера, некоего архимандрита Спиридона, записанные с его слов В. И. Экземплярским, печатались в течение 1917 г. в киевском журнале «Христианская Мысль», под общим заглавием «Из виденного и пережитого». Рассказы эти остались бы вероятно мало кому известными — «Христианская Мысль» прекратилась с революцией и лишь немногие номера ее попали за границу, — если бы проф. П. Паскаль не опубликовал их в 1950 году, во французском переводе, предпринятом им еще в России**). По указанию того же проф. Паскаля нам удалось найти в Римском «Восточном Институте» несколько разрозненных номеров «Христианской Мысли», и тем самым мы имеем возможность познакомить наших читателей, правда лишь в небольших отрывках, с русским подлинником этих удивительных рассказов, достойных стать наравне чуть ли не с самими «Откровенными рассказами странника». Н. С.

Не знаю кем и чем я был до своего рождения на земле. На землю я появился в 1875 году. Родители у меня бедные крестьяне. Первые 3 года я не помню. С четвертого же года своей жизни до сего дня я помню все. Я очень рано почувствовал в себе влечение к одиночному созерцанию Бога и природы. Насколько припоминаю, меня уже с самого раннего возраста соседи считали каким-то странным мальчиком. Я чуть ли не с пяти лет начал сторониться своих товарищей по своему детскому возрасту и уходить в лес, бродить по полям, просиживать на полевых курганах, где отдавался размышлению о том: есть ли Бог, есть ли у Него жена, дети, что Он ест, пьет, откуда Он явился, кто Его родители, почему Он Бог, а не другой кто-либо, почему я не Бог, что такое я, почему я хожу, киваю головой, говорю, ем, пью, сижу, лежу и т. п., а деревья, травы, цветы этого не могут делать? Больше всего на меня производили сильное неотразимое впечатление солнце и в ночные часы звезды! Я никак не мог понять, каким образом солнце движется.

*) См. о Бухареве статью прот. В. Зеньковского в «Вестнике» VI — ноябрь, декабрь 1952 г.

***) Archimandrite Spiridon. Mes missions en Sibirie: souvenirs d'un moine orthodoxe russe, Paris 1950, 160 p., Edit. du Cerf.

Были дни, когда я так увлекался солнцем, что вечером, ложась спать, я думал: вот завтра как встану, то обязательно пойду туда, откуда оно появляется, только нужно ломать хлеба с собой взять и чтобы меня не видела мама. Не менее солнца меня занимали звезды. Я никак не мог понять, почему они только показывались ночью? что они такие? живут ли как люди или они зажженные лампы? особенно меня привлекал млечный путь. Однажды я от своего товарища мальчика услышал, что ему учитель, который жил у него на квартире, как-то рассказывал его родителям, что солнце очень во много раз больше всей земли, а звезды тоже такие же большие, как наша земля и есть из них даже больше солнца, но они нам кажутся потому лишь такими маленькими, что они очень и очень высоко от нас находятся. Этот мальчик своим рассказом до того меня заинтересовал, что я от сильного впечатления эту ночь всю напролет не спал; и рано утром, только что появилось солнце, я отправился к этому учителю. Учитель принял меня и когда узнал цель моего к нему прихода, то сейчас же начал мне рассказывать о земле, о солнце, о звездах и т. п.

Я как сейчас помню, с каким затаенным дыханием я слушал его, а минутами я даже всхлипывал от каких-то торжественно-радостных слез: мне казалось, что передо мной развернулась какая-то страшная, никогда не виданная мною картина!

Я долго его слушал. Когда же учитель закончил со мной беседу о природе, и затем спросил, чей я мальчик и сколько мне лет, я под впечатлением его рассказов отправился на свой огород, где росла конопля, зашел в самую глубь этой конопли, и пав на колени, начал молиться Богу. Не могу сейчас припомнить, чего я в это время просил у Бога, но как сейчас припоминаю, что я чего-то у Него просил. Молился я так усердно и с такими слезами, что у меня лицо распухло и глаза были налиты кровью. Через несколько дней после рассказов учителя, я заболел и лежал несколько дней в постели. Мама моя после этой моей болезни стала на меня смотреть с каким-то беспокойством.

Не знаю после этого сколько прошло времени, я уже стал учиться читать молитвы. Первая молитва была «Отче Наш», затем «Богородица Дева», «Достойно есть» и т. д.

Нужно сказать правду, что я с самого детства своего почему-то любил молиться без чтения молитв, и это чувство до сего дня меня не покидает. В нашем селе, где я родился, были религиозные крестьяне, мама часто водила меня к ним. Эти крестьяне много-много моей детской душе доставили пользы. Но больше всего мою детскую душу развивали леса, поля, солнце

и звезды небесные. Я никогда не забуду, с каким я сладостным восторженным чувством всегда впивался в солнце или в млечный путь небесных светил!

Когда мне было семь лет, то я еще чаще прежнего стал оставлять свой дом и находиться в поле. Часто с отцом, с дядей, с работниками я выезжал в поле. Тут еще сильнее природа располагала меня к себе. Были ночи, когда все возле меня мертвым сном спало, и только я один бодрствовал, упиваясь до слез красотой и гармонией небесных светил. Но что больше всего меня удивляло, так это то, что я всегда в самом себе, с раннего своего детства чувствовал сильное влечение к молитве. Как бы своей красотой природа не наполняла мое сердце и мой ум к себе благоговением, я все же чувствовал, что это мне мало, что есть еще уголок в душе моей, чтобы заполнить который нужна молитва. Но молитва не церковная, молитва не с молитвами выученными наизусть, а молитва одинокая, детская молитва, которая роднит молящегося с Богом. Однажды как-то я услышал, не припомню от кого, что на Троицу в Иерусалиме апостолы получили огненные языки с неба и никогда не учившись говорить иностранными языками, тут же, как получили огненные языки с неба, сразу начали свободно говорить на разных языках. Эта весть до того меня всколыхнула, что я еще до восхода солнца отправился искать Иерусалим.

Отошел от своего села каких-нибудь верст пять, идет мне навстречу женщина с ребенком на руках; она спросила меня, «куда ты мальчик бежишь?» Я остановился, и вместо того, чтобы ответить на ее вопрос, я начал расспрашивать о том, где находится Иерусалим и куда, в какую сторону мне нужно пойти, чтобы попасть в Иерусалим? Женщина смотрит на меня и улыбается, я тоже стою и смотрю на нее и жду, когда она мне скажет о Иерусалиме и о дороге в него, по которой бы я мог скорее добраться до него. Женщина сказала мне: «Я слышала, что Иерусалим находится в той стороне, где садится солнце». Я поклонился ей и отправился в ту сторону. Шел я больше всего чистым полем. Пришел в Журавинский лес: вечером этого дня пошел сильный дождь, загредел гром, я тогда сошел с дороги и присел под куст. Наступила ночь. Хлеба у меня нет. Есть до смерти хочется. Утром, на следующий день я встал и опять пошел по той же самой дороге в Иерусалим. Только что стал проходить лес, как слышу кто-то вслед мне кричит: «остановись, куда тебя чорт несет?». Я как оглянулся, то так и присел на месте. Это был мой отец. Он ехал верхом на белом коне и, с плеткою в руке, во весь карьер мчался ко мне. Когда он поравнялся со мной, он слез с коня, закурил махорку, посадил

меня на лошадь и сам сел на коня, и мы шагом отправились обратно домой. К вечеру того же дня мы были уже дома. Мама со слезами встретила нас. Отец привязал коня к плетню, с плеткой в руке вошел в избу и этою плеткою такие нарисовал на всем моем теле языки, что я две недели не мог с боку на бок повернуться.

С этого года я начал учиться грамоте. Прежде всего меня учил один благочестивый сосед крестьянин, Сергей Тимофеевич Тимошкин. Учился я плохо. Думаю, что причиною этому была та же самая природа, в которую я весь целиком ушел тогда. Начал читать Псалтирь, Евангелие и другие книги.

На восьмом году моей жизни я стал ходить в школу. Школа для меня была настоящей тюрьмой. Меня, дикаря, посадили с такими же как я ребятишками, где я слышал крик, визг, какой-то для меня непонятный говор, все кричат, суетятся, так что я, сидя среди своих товарищей-детей, чувствовал себя очень и очень плохо.

Два года я ходил в школу. В это время я очень увлекался жизнью святых. Из всех святых на меня больше других производили впечатление мученики и пустынножители, но, между ними, почему-то я очень много думал об Оригене. Не могу сейчас припомнить, почему Ориген так глубоко врезался тогда в мою детскую память. Я даже в то время Оригена однажды видел во сне. Он с котомкою на спине, длинноликий, безбородый, босой, с палкою в руках явился мне во сне. В это время наш дом стали посещать монахи и монахини из разных монастырей, посылаемые по сбору. Между этими монахами, хотя редко, заживал в наш дом один нашего села крестьянин. Он временами юродствовал, а потом через несколько времени опять приходил в нормальное состояние. Этот полуюродивый крестьянин стал на меня своею в высшей степени симпатичной личностью сильно влиять. В один из летних вечеров я со своими овцами с поля вернулся домой. Вхожу в избу. Смотрю, в нашей избе сидит этот самый полуюродивый крестьянин. Я ему поклонился. Он подошел ко мне и говорит мне: «Пойдем в монастырь помолиться». Я согласился. На завтра мы рано отправились в монастырь. К вечеру того же дня мы уже стояли в монастырской церкви. Нужно сказать правду, что монастырь на меня не произвел никакого впечатления, но вот, что на меня произвело сильное впечатление, это лес, который кольцом обхватывал этот самый монастырь. Игумен этого монастыря особенно настаивал на том, чтобы я остался в монастыре. Я послушался его. Первое послушание дали мне быть пономарем в церкви. Я ревностно нес это послушание. Несмотря на то, что я каждый день находился в церкви, я все же для успокоения души своей уходил в лес и там молился. Так я прожил в этом монастыре два года. В один из последних дней мо-

настырской жизни, сидя вечером в трапезе, я слышу, читают житие святого Стефана Пермского. Когда чтец начал читать о его миссионерской деятельности, тогда в моей душе моментально вспыхнуло желание быть миссионером. Кончилась трапеза. Я пошел в келью. Спать не могу, сна нет. Вышел из кельи и пошел в сад. В саду я предался горячей молитве. Не знаю просил ли я о чем Бога или просто изливал свои чувства перед Богом. Утром я не пошел прямо в келью, а пошел в церковь. Что со мной случилось, теперь трудно мне вспомнить, только я босой, без шапки, в одном подряснике оставил монастырь и прилетел домой.

Дома родители меня встретили с каким-то ужасом. Они никак не могли понять, почему я босой, без шапки, из монастыря вернулся домой. Дня через два после моего побега из монастыря начальство узнало, что я нахожусь у родителей дома. Из сего монастыря несколько раз посылали за мной, но я почему-то не вернулся в монастырь, а остался дома.

Живя дома, я опять по-прежнему рвался из села в поле. Особенно, когда хлеб начинал цвести. Боже мой, как в это время я чувствовал себя хорошо! Мне казалось, что в то время, каждый цветок, каждый колос ржи нашептывали мне о какой-то таинственной Божественной сущности, которая так близка, близка к человеку, всякому животному, всем травам, цветам, деревьям, зелени, солнцу, звездам и всей вселенной.

В таком опьяняющем чувстве я уходил вглубь полевых хлебов и там предавался какой-то странной молитве: то плачу, то радости, то дикому крику обращенному к небу, то ложился на спину и с затаенным дыханием ожидал последнего момента жизни. Когда мне приходилось пахать или боронить, то я здесь временами, особенно утром при восходе солнца и пения жаворонков, приходил в какое-то опьяняющее состояние духа.

В это время жил в нашем селе один крестьянин по имени Семен Самсонович. Всегда он всем первый при встрече снимал свою шапку и, низко кланяясь, приветствовал: «раб Божий, царство тебе небесное». Тот Семен жил очень бедно. Когда он выдал свою дочь замуж, то гостей угощал одним хлебом и, вместо водки, святой иорданской водой. Никогда он никого словом не оскорблял: если кто-нибудь его ругал, или обзывал каким-нибудь нехорошим словом, он на все всем отвечал: «раб Божий, царство тебе небесное!» С ним-то вот и я познакомился, и мы полюбили один другого горячо. Как то он зашел к нам в избу, говорили с ним о многом, наконец, он обращается ко мне со следующим призывом: «пойдем, раб Божий, к Тихону Задонскому, помолимся ему, он авось укажет тебе путь». Родители согласились меня с ним отпустить, и мы через два дня

отправились в путь к Тихону Задонскому. Был великий пост. Шли мы с ним четыре дня. В монастыре у Тихона Задонского мы исповедывались и причащались святых Тайн. В этом монастыре был прозорливый монах Иосиф, зашел я к нему, и он мне сказал, что я через год буду на старом Афоне.

Когда мы вернулись обратно домой, то через неделю Семен опять, ничего не говоря своей жене, отправился на богомолье в Киев. Это он уже одиннадцатый раз в своей жизни таким образом пошел в Киев на богомолье. Были даже и такие случаи в его жизни. Вот, кто-нибудь даст ему своего коня с сохой, чтобы вспахал какую-нибудь свою десятину земли. Видит, что женщины-старушки потянулись на богомолье в Киев, останавливает их, спрашивает, куда они идут, слышит, что они идут в Киев, к отцу Ионе, моментально тут же оставляет чужого коня на поле и без всякой котомки отправляется с ними в Киев.

Дивный и редкий христианин был Семен Самсонович! В этот раз, когда Семен вернулся из Киева, то он через день после своего прихода посетил меня. Мы этот день провели с ним в духовных беседах. Семен много мне рассказывал хорошего, поучительного из своей прошлой жизни. Любил он говорить об апостоле Павле. Он его считал выше всех святых. Он говорил, что апостол Павел больше всех апостолов любил Христа. Часто мы с Семеном уходили в поле и там в религиозных беседах проводили время. Семен как-то особенно любил меня. Но, что меня больше всего к нему привлекало, так это то, что он был в духовной жизни очень уравновешен и этим меня он особенно как-то подкупал к себе. Кроме сего Семена у меня был еще другой близкий человек, это Игнатий Якимочкин. Этот человек был тоже богобоязливый, но далеко не такой, каким был Семен. Был еще третий человек у меня, но и он далеко уступал в духовной жизни Семену. Часто я их посещал, а они в свою очередь бывали у меня, но моя душа была для них закрытой. Странное дело, в этом году я почувствовал сильное влечение к одной молодой девушке, но влечение это было чистое, для меня совершенно незнакомое. Тогда мне было тринадцать лет. Кроме этого влечения на меня напали богохульные мысли, все это в том же самом году моей жизни. Любовь к девушке долго в моей душе не могла гореть, она скоро во мне угасла, но богохульные мысли совершенно замучили меня. Я от них лишился аппетита, сна, стал не по дням, а по часам сохнуть и, наконец, слег в постель. Наступил великий пост. Я от этих мыслей говеть боялся и так и не говел. Настала Пасха. На второй день Пасхи приходит ко мне тот же самый Семен, и говорит мне: «раб Божий Ягорий, Христос Воскресе! Царство тебе небесное!». Я ответил ему: «Воистину Вос-

кресе». «Что ты, — продолжал Семен, — заболел, пойдем в Киев, к святым угодникам, они нас ждут к себе в гости». «Пойдем», — ответил я. Мама моя заплакала. Отца в этот день дома не было. «Раба Божия Пелагея, — обратился к моей маме Семен Самсонович — отпускаешь ли ты сына своего в Киев к угодникам Христовым или нет? Чего же ты плачешь? нужно радоваться, что сын твой пойдет на богомолье». «Я ничего не имею против этого, но он какой-то у меня странный, чего доброго, еще сбежит от нас куда-нибудь, а тогда вечно будем его оплакивать. Вот отец придет и мы тогда подумаем». «Раба Божия Пелагея, — начал говорить Семен, — у нас у всех один отец Бог, мы только Богу одному должны служить и служить без размышлений». Через час или два приходит мой отец домой немножко выпивши. Мать ему передает, что я с Семеном хочу идти в Киев на богомолье, и что для этого нужно достать для меня паспорт. Отец мой задумался, а потом обращаясь ко мне сказал: «не знаю, что из тебя будет, одни тебя очень хвалят, а другие тебя считают за сумасшедшего дурака. Я не знаю, что с тобой делать. Сколько раз я тебя бил, оставлял без обеда, наказывал, но ты все делаешь по-своему. Не знаю, что с тобой делать. Если хочешь идти в Киев, то уж иди». Я возрадовался.

Архим. Спиридон.

(Продолжение следует).

ЧУДЕСНОЕ

I.

Чудесное лежит в основании всех вещей и на их последних границах. Оно заключается в творении и составляет правду его высшего бытия. И падение человека есть именно его уход от чудесности.

Чудесный мир не имеет, в земном времени, своего полного выражения; он теперь тут, в истории, достигается лишь тайнозрением, и, не столько учит, сколько вдохновляет человека переходить границы мира верой. И чем более верует человек в Живого Бога, тем более **чудесный** мир открывается его сознанию.

Человек хочет жить в сущности лишь чудесным. Об этом свидетельствуют не только верующие в Бога; и неверующие тоже хотят увидеть в **чудесном** высший смысл своего существования и последнее слово человеческой истории; они тоже стремятся к **чудесному**. Неверующий в Бога председатель совета министров, в критическую для своего народа минуту, открыто свидетельствует о своей вере в чудо: «верую в чудо потому, что верую во Фран-

цию» (Поль Рейно в речи 21-го мая 1940 г.); а еще более далекий от веры в Бога высказывается: «народы нашей страны стали способны на великие дела и **чудеса творчества** новой жизни (речь Молотова 27-го октября 1939 г.)... Подобных примеров устремления неверующих к чудесному миру можно привести много и из разных областей жизни. «Чудеса техники», «чудеса науки», «чудеса искусства», «чудеса природы», «чудеса творчества», — всюду слышишь, как бессмертная человеческая душа тоскует, кричит о высшем, чудесном мире, даже при исповедании материализма. Человек не хочет исчезать в материалистической повседневности. **Чудесное** его манит высоким, хотя бы и не ясным освобождением. Даже не давая свободы, оно дает ее образ.

«Чудеса науки», «чудеса творчества», — это все искры того же древнего, похищенного Прометеем, небесного огня... Даже самому материалистическому человеку представляется все время духовное видение, что он способен подняться над землей, сделаться «хозяином жизни» и ее «творцом», что возможности его уходят в бесконечность... То, что Бог обещал и дает человеку — высшее свершение бытия в чудесном бессмертии, — то человек думает иметь своею личной или коллективной силой, без Бога... Такова одна из проекций падения человека.

В религиозной области грех выражается в том, что люди ищут более **чудесного**, чем Бога. Ирод, желая видеть Иисуса, «надеялся увидеть от Него какое-либо чудо (Лк. XXIII, 8). Есть люди, требующие чудес для своей веры («Иудеи требуют чудес», 1 Кор. XXII). Если они не встречают «чудес», то нет у них и чувства близости к высшему миру. Сила чудесного принимается ими, как «*Deus ex machina*», — нечто внешне приближающее к ним высший мир. Люди иной раз жадно ищут в мире знамений и чудес, не понимая, что пришествие лже-христа в мире «по действию сатаны» будет (и уже совершается) «со всякою силою и знамениями и чудесами ложными» (2 Фес. II, 9), и можно быть самым праведным человеком на земле, как Иоанн Креститель и «не сотворить никакого чуда» Ин. X, 41). Эти люди обычно хотят, чтобы уже в этом веке совершилось воздаяние праведным и возмеривалось грешным по их злу; подтверждение этого закона укрепляет их в вере, нарушение этого закона удаляет их от веры. Про них, еще не знающих тайны богоусыновления и крестного следования за Господом Иисусом Христом, сказано: «не уверуют, если не увидят чуда» Ин. IV, 48).

Вникая в психологию этих людей понимаешь, почему Спаситель неизменно противился их устремлениям и отвергал их путь единения со Своей истиной. «Не дастся роду сему знамения» (Мр.

VIII, 12). Бог хочет сделать человека бескорыстным сыном Своей небесной правды, а ищущие только «чудесности», а не правды последней, хотят быть рабами ослепившей их необходимости. **Вера**, любовь ко Господу и заповедям Его их не удовлетворяет. «Вероходим, а не видением» (Кор. V, 7), это кажется им пресным, недостаточным; они не оберегаются от ложных «видений» и «откровений». Им представляются всякие сны и мечтания и внушается при этом мысль, что особые откровения возвышают их над другими людьми. В духовной науке хорошо изучены эти феномены «прелести», самообольщения. Бога только страшатся (в смысле: Иак. II, 19), но не любящие души соглашаются принять Царство Божие, но в этом согласии нет элементов, из которых Царство Божие состоит, — нет любви к Богу и ко всему творению в Боге, нет осуществления евангельских блаженств, плача о себе и радости о Истине Христовой. Вера эта не вводит в Царство Божие, и не о ней принес весть на землю Сын Человеческий. Но эта вера привлекательна тем, что она бескредитна. Вместо Креста Христова, внутреннего умирания человека в Боге и воскресения в ней — лишь чудеса. *Christian Science* — зовет как раз в эту сторону.

Как бывают неверующие в Бога, но ощущающие, в той или иной форме, **чудесное**, так бывают и «верующие», которые «не верят в чудеса», не соглашаются, например, принять сверх-естественного вхождения Творца в мир, рождения Богочеловека от Девы, и Его Воскресения во плоти... Им представляется, что мир создан Творцом только, как Архитектором, и — сейчас же — оставлен в пределах математических, геометрических, механических и прочих «естественных» законов; и будто бы все совершается в мире лишь по этим, изучаемым земной наукой, законам. Такова вера «дейстов», верующих в Бога абстрактно, и мало чем различающаяся от нее вера «теистов», верующих в Бога неопределенно. Те и другие «признают» Бога, но не знают духа богоусыновления, не знают служения Богу в **Духе и Истине**.

Есть другие желающие прожить свою жизнь ничем не беспокоя своей души, приняв раз навсегда установленную ими номенклатуру ценностей и истин. Все должно быть для них «понятно», «объяснимо». Существование великого и таинственного мироздания неудобно, даже болезненно для них; оно их умаляет, ранит и убивает. В Евангелии признается лишь привычное, принятое в обиход житейских отношений, «понятное». Отсюда же исходит известное и такое далекое от истины утверждение, что «наука отрицает чудеса», «наука противоречит вере»... Человек боится посягательства на свою автономную жизнь, даже со стороны Небесного

Отца! Даже зов Божий, заповедь Христову, он способен счесть таким посягательством.

Но верующий в Сына Божия знает, что **все** в мире **чудесно** в творении, промышленности и искуплении. Дивно все — в действовании, указании, предупреждении и утешении Духом Утешителем!

В высшей науке материя, все более, предстает человеку, как неразгаданная тайна чудесной жизни. В науке открываются такие бездны и хляби материи, что самое понятие «материи» (как чего-то «материального», в старом смысле) исчезает. Понятие же **энергии** касается уже границ духовного мира...

Представители астрофизики свидетельствуют о безднах уже не бесконечно-малых, а бесконечно-больших миров; и в ученых созерцаниях чувствуется, подчас, такое благоговение пред чудесами и тайнами Божьего мира, что сердце поднимается с новой силой к славословию Господа Бога и дивных чудес Его... Тут венец истинного знания, которое, по Апостолу, **не надмевает, а назидает**.

Но по одному свидетельству ученых о таинственности и чудесности мира, душа еще не может сделаться **знающей Бога**. Как при созерцаниях духовных, так и при зрении гармонии мира физического, у человека должно быть «алчущее правды» сердце. И для такого сердца, выводы современной науки, конечно, прямой путь к Богу. Но приятие **духа веры** идет лишь чрез Христа. Он есть единая **Дверь к Отцу**.

II.

Мир чудесен. Дивимся ли мы ему в малом или в великом, он нас изумляет. Но будет ли наше удивление праздным или плодотворным для нашей жизни и веры, это уже зависит от нас... Здесь область нашей свободы.

Рядом с чудесностью, созерцаемой чрез научное знание, открывается и великая «художественная» чудесность творения. Все в мире — **неповторимо!** Все, до мельчайшего атома, — произведение Величайшего Художника.

Чудесность лежит не только вне нас. Она еще более в нас самих. Солнечные, радостные чувства находящие на нас после мрачных, болезненных, убийственных душевных переживаний, — разве это не чудо? А любовь и милость, великодушные, жертвенность, чистота, мудрость, светлое мужество и долготерпение, — разве это все не чудесно сверкающие духовные алмазы и лучи окружающей нас, и в нас живущей действительности Вечной Жизни? А молитва, преображающая духовным огнем наш разум, сердце, воззрение наше на жизнь, разве это не чудо? Много, многое может сказать живая душа о тех истинных чудесах, которые она

видит вокруг себя в мире и радостно созерцает в себе. «Жив Господь и жива душа моя!» восклицает ветхозаветный пророк, а с ним и человек видящий **чудесное**.

В Боге ничто не случайно, все чудесно и промыслительно. Все явления мира в Боге становятся удивительными, воскреляющими. «Естественное» делается вышеестественным, **прозрачным для вечности...** Во Христе Иисусе вся жизнь человеческая становится вышеестественной. Дух ставит все лицом к лицу к тайне Будущего Века.

Но в чудесном мире есть еще особая чудесность: сияние неповторимо-личного усыновления человека Богу. «Много чудес совершилось чрез апостолов» в мире (Дн. XIX, 11). В Кане Галилейской «положил Иисус начало чудесам» (Иоанн. II, 11) — чудесам усыновления человека.

Истинное чудо есть **явление истины. Оно есть окно и дверь в высший мир, выход к подлинно сущему.**

Чудесное должно утаиваться. «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; Ей, Отче, ибо таково было Твое благоволение» (Мф. XI, 25). Искатели ложных чудес претякаются о истину. Оберегая слабое и большое человеческое зрение от слишком яркого Света, Господь скрывает истинно чудесное в мире от многих глаз, и в этом **утаивает Самого Себя**. Но, взгляд посвященный в простоту Истины, ум очищенный от лжемудрия, сердце свободное от лжеверия, видят всю чудесность бытия.

Утешение Духа Святого есть сладкая беседа Отца с детьми, речь Отца... «Другие» ее не слышат. Или слыша, не понимают,

Любящий Бога не ищет чудес, потому что **он уже нашел их**, полюбит Бога. Вместо чудес, верующий ищет все большей чистоты и глубины в Боге; все большей Христовой премудрости и любви.

Господь уклонялся от непрестанных исцелений и насыщений людей хлебами. Он утаивал и **утаивает до наших дней** Свое могущество над миром, открывая его людям лишь, как явление Своей Милости.

Апокрифические сказания бессмысленно хотят наделить Спасителя большею чудесностью, чем она явилась в Нем; заставляют Его, Младенца, лепить из глины воробьев и оживлять их, и творить иные подобные «внешние чудеса»... Но в Евангелии явлена вся божественная **мера чудесности**, ее глубина и чистота.

Не отдельные явления, а целый мир **чудесного** пред нами и в нас. И чем мы эту чудесность менее рассматриваем, тем более мы ее видим. Ища лишь послушания Божьему Слову, мы находим эту чудесность мира и постигаем любовь откры-

тую нам. В верности Слову очищается наша воля. Не ища чудесного, мы окружаемся и захватываемся им.

Чудесное не связывает нашей воли, не порабощает воображения. Мы связаны только любовью Христовой, и знаем, что только она превозмогла Закон.

Сердце мудрое живет **чудесным**, — неразумное опьяняется чудесничеством. Много, много в мире «чудес ложных»! Зло идет и уже пришло «со всякими чудесами ложными» (Фес. II, 9). И человек, ищущий **необычайности и новизны**, более чем Правды Господней, легко верит неистинным духам и принимает слуг лжи за своих вождей, свои пустые сны — за откровения.

Фарисеи требовали схождения со Креста Сына Божия для того, чтобы поверить. Этого чуда они продолжают требовать, хотя сейчас они еще менее способны, чем тогда, уверовать в Истину распятую и воскресшую.

И мы знаем, что даже величайшее чудо Христова милосердия, воскрешение Лазаря, было началом Голгофы: «Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот человек много чудес творит: если оставим Его так, то все уверуют в Него». «И с этого дня положили убить Его». (Иоанн XI).

Никакие феномены не способны ни в чем истинном человека убедить, если сердце его не будет готово к принятию Истины.

История кончится на том, что **зверь, «производивший чудеса»**, (Откр. XIX, 20), с **лжепророком**, будет схвачен. Только тогда рассеется до конца вся призрачная чудесность обольщавшая людей, клавшая на них «печать зверя», эмоцию недостойную человека. **Истинная чудесность тогда раскроется, как правда всего творения.**

Епископ Иоанн Сан-Францисский.

О ТЕКСТЕ НОВОГО ЗАВЕТА.

Это лето я опять провел в той тихой испанской деревне, где я работал в 1951-53 гг. над пересмотром русского перевода Нового Завета. На этот раз очередь дошла до Апокалипсиса, и пересмотр русского перевода Апокалипсиса снова поставил передо мною во всей его сложности вопрос о тексте Нового Завета. Фактом пересмотра существующего перевода и, особенно, появлением в свет, в августе 1953 г., пробного издания Евангелия от Матфея, этот вопрос поставлен и перед русским христианским сознанием.

Он был осознан русским читателем, как вопрос о переводе. Но вопрос о переводе есть вопрос о тексте. Каждому известно, что книги Н. З. были написаны не по-русски, что русский текст Н. З. есть перевод, и что до изобретения книгопечатания в XV веке, кни-

ги Н. З. и в греческом подлиннике и в старых переводах переписывались от руки. В век книгопечатания подлинником того или иного сочинения является его печатное издание. Оно обыкновенно делается по рукописи автора и сам автор вносит в него свои исправления, а зачастую и изменения, при правке корректур. Иначе обстоит дело с Н. З. Первые печатные издания Н. З. отделены от эпохи его написания промежутком времени в четырнадцать веков рукописной передачи. Каждый из нас знает по опыту, сколько ошибок он делает при переписке того или иного текста. Подлинником Н. З. была бы апостольская рукопись. Но такая рукопись до нас не дошла ни для одной новозаветной книги. Хуже того. До самого недавнего времени известные ученым рукописи Н. З. не восходили дальше IV века. Только в эпоху между двумя войнами стали известны рукописи Н. З. III и II века. Но рукописи эти очень плохой сохранности, и ни одна из них не покрывает всего Нового Завета. Речь идет об отрывках, нередко очень интересных, но по большей части случайных. Возможно, что один из этих отрывков, очень незначительного объема, относится к последним годам I века. Но общего положения эти находки не меняют. Объясняется оно многими причинами: хрупкостью папируса, на котором писали в древности, напряженным ожиданием мирового конца, не располагавшим древних христиан к собиранию и накоплению реликвий, и планомерным уничтожением христианских книг в эпоху гонений, особенно при Диоклетиане. Как бы то ни было, от составления новозаветных книг священными писателями до изготовления древнейших рукописей, дошедших до нас, прошло около трех веков. Это, конечно, не четырнадцать веков, протекших от времени апостолов до изобретения книгопечатания. Но сколько изменений могло вкрасться в священный текст и в течение первых трехсот лет его рукописной передачи, ускользающей от всякого научного контроля!

Этим фактическим положением в значительной степени объясняется и появление все новых и новых переводов Н. З. на одни и те же современные языки. С этой точки зрения показательна история русского перевода. Первый русский перевод был выпущен Российским Библейским Обществом, издавшим Четвероевангелие в 1819 г., и весь Н. З. в 1823 г. Переводу Евангелия было предпослано «Возглашение к Христоролюбивым читателям», подписанное членами Святейшего Синода, в том числе и Архиепископом Тверским Филаретом, впоследствии Митрополитом Московским. В этом «Возглашении» открыто исповедуется необходимость периодического обновления современных переводов Священного Писания в связи с естественной эволюцией современных языков. Но этого ма-

ло. В предисловии к изданию 1823 г. те же авторитетные представители русского церковного сознания провозгласили принцип перевода Св. Писания «по древнейшим и вернейшим его спискам». Поэтому совершенно естественно, что и перевод Библейского О-ва подвергся пересмотру в поисках этих списков, и тот же Митр. Филарет, на склоне своей долгой жизни, был свидетелем его появления в новом, синодальном издании 1862 г., которое и воспроизводится во всех последующих русских изданиях Н. З. И перевод Библейского Общества в двадцатые годы и Синодальный перевод шестидесятых годов отличаются большими литературными достоинствами, и русский читатель к ним привык и с ними сроднился, особенно с Синодальным переводом, на котором выросло уже до четырех поколений русских людей. Но несомненные достоинства Синодального перевода отнюдь не исключают возможности и даже необходимости новых переводов, если бы этого требовала эволюция русского языка, накопление рукописного материала и вообще развитие научного исследования Н. З. Ни об одном из существующих переводов Церковь не сказала, и ни об одном последующем не скажет, что данный перевод есть последнее слово, что он выражает раз навсегда сознание Церкви. Такого рода заявление было бы в противоречии с тем, что ее же ответственные представители открыто провозгласили в изданиях 1819 и 1823 гг. Фактически, кроме двух вышеуказанных русских переводов Н. З., существует и несколько других, изданных и неизданных. Небезынтересно, что один из них принадлежит известному Обер-Прокурору Святейшего Синода, К. П. Победоносцеву, который нашел возможным выпустить его в свет. Перевод этот в основном совпадает с Синодальным, но иногда и отступает от него.

Еще больше переводов Н. З. на современные западные языки. И опять-таки, ни один из них не предписан соответствующей церковною властью к общеобязательному употреблению. Это касается не только перевода Лютера, который и по сей день подвергается повторной редакционной обработке, но и многочисленных изданий Римско-Католической Церкви. Римско-Католическая Церковь в наше время поощряет мирян читать Св. Писание, и во всех католических странах появление все новых и новых его переводов на одни и те же языки вытекает из той же потребности, о которой речь была выше. Конечно, все эти переводы выходят с разрешения подлежащей церковной власти, но ни один из них не является официальным переводом. Это относится и к католической Испании, которая знает не один, а целый ряд отличных переводов Н. З. на современный испанский язык.

Из приведенных примеров должно быть ясно, что вопрос о

переводе Н. З. на тот или иной современный язык упирается в вопрос о тексте Н. З. Как я уже сказал, апостольские автографы до нас не дошли. Из Гал. VI, 11 современные ученые выводят, что ап. Павел писал характерным крупным почерком, хорошо известным его ученикам. Но ни одного слова, написанного этим почерком, мы не имеем. За отсутствием автографов, ученые ищут других путей к букве апостольского подлинника.

В 1633 г. Лейденская фирма Эльзевиров, выпуская в свет, на основании первых, далеко не совершенных, печатных изданий греческого Н. З., свое собственное (2-ое) издание, снабдила его предисловием, в котором заверила читателя, что отныне он имеет «общепринятый текст». Это заверение отвечало фактическому положению вещей, поскольку Эльзевировский текст получил всеобщее распространение, но с точки зрения чисто-научной издание это было неудовлетворительно, и в современной научной терминологии *textus receptus* обычно противопоставляется тексту научно-критических изданий. Православному читателю полезно знать, что происхождение *textus receptus* — позднее и западное (Голландия XVII в.), и никакой церковной властью ни на Западе, ни тем менее на Востоке, он не был предписан к обязательному употреблению. Но влияние *textus receptus* было очень велико. История современных переводов Н. З. есть история постепенного освобождения новозаветной науки из-под влияния *textus receptus*. Освобождение это дается нелегко, и наши русские переводчики, при всем своем желании опираться на древнейшие списки, только редко, и притом не всегда удачно, удаляются от *textus receptus*. Как бы то ни было, не подлежит никакому сомнению, что *textus receptus* не совпадает с апостольским подлинником Н. З.

Но если *textus receptus* отпадает, спрашивается, какой же другой текст Н. З. приближается к его апостольскому подлиннику.

Современная наука посвятила очень много сил критическому изучению новозаветного текста. Первое поверхностное знакомство с результатами этого изучения может вызвать чувство недоумения. Достаточно сказать, что, по новейшим данным, число известных греческих рукописей Н. З. доходит без малого до 2700, и что эти 2700 рукописей между собою не совпадают. К греческим рукописям Н. З. надо прибавить рукописи его переводов на разные языки древнего мира: особенно, на латинский и на сирийский. При обратном переводе этих текстов на греческий язык, мы часто вынуждены бываем признать, что переводчик имел перед собою рукопись Н. З. далеко не совпадающую с привычным нам текстом. Это касается и цитат из Н. З. в писаниях древних отцов.

При всех поправках на неточность перевода и на измену памяти в цитатах, результат получается один и тот же. Не только многие древние переводчики читали Н. З. в ином тексте, чем мы, но и среди отцов, ссылавшихся на него, некоторые знали его тоже в непривычном нам тексте. Где же апостольский подлинник? Есть ли выход из этого лабиринта?

Первый вывод, конечно, отрицательный. При наличии расходящихся свидетельств, буква апостольского подлинника могла бы сохраниться, в лучшем случае, в одном из этих свидетельств, а скорее всего — ни в одном. Но при разборе большого накопленного наукой материала, оказалось возможным разделить его на группы, или семьи. В многообразии неожиданно открылось единообразие. Учеными было установлено, что своеобразные чтения иных рукописей находят подтверждение в некоторых древних переводах и в святоотеческих цитатах. Апостольский текст найден не был, но можно с некоторой вероятностью установить, в какой форме текста читали Н. З. ранее IV века в разных частях христианского мира. Мы и в этом случае не имеем никакого основания предполагать, чтобы та или иная форма текста была предписана соответствующей церковной властью к обязательному употреблению. Но в настоящее время ученые говорят о Западном тексте в нескольких его разновидностях, о Восточном тексте, тоже не менее, чем в двух его разновидностях, и о тексте Александрийской Церкви, может быть, наиболее близком к апостольскому подлиннику.

Результаты эти достигнуты чисто объективным путем изучения огромного рукописного материала, которое продолжается и доньше. Но объективное исследование не исключает и субъективного усмотрения ученых. Это субъективное усмотрение требует большой осторожности. Ученые им нередко злоупотребляют. Не буду останавливаться на самоочевидных крайностях. Так, еще совсем недавно, Бультман перекроил по своему усмотрению все Евангелие от Иоанна, а Чарльз не оставил камня на камне в последних трех главах Апокалипсиса. Ни тот, ни другой не встретили поддержки в объективной науке. Но столь же неоправдано объективными данными и исключение Иоан. XXI, как позднейшей прибавки. Внутренним данным, на которых это исключение покоится, я постарался противопоставить другие данные, тоже внутренние, которые, как мне кажется, убедительно доказывают противоположное (ср. мою статью в «Grigorios o Palamas» 1955). Но нередко внутренние данные подтверждают тот вывод, к которому наука приходит объективным путем. Совершенно несомненно, например, что в древних рукописях Лк. VI. 20 ублажаются не «ни-

щие духом», как в Мф. V. 3, а просто «нищие». Объективные данные, которыми мы располагаем, не допускают иного вывода, но его исключает и анализ евангельского текста. В отличие от Мф. V. 6, где убажуются «алчущие и жаждущие правды», в Лк. VI. 21 речь идет об «алчущих ныне», т. е. о голодных в физическом смысле слова, и нищим и голодным противопоставляются, в стт. 24 и 25, богатые и пресыщенные. Небезынтересно, что в Греческой Православной Церкви «блаженны нищие» Лк. VI. 20 стоит и в богослужебных евангелиях. В такой форме и я читал «блаженны» в редакции Луки за богослужениями на Афоне. Второй пример: Мф. VI, 1. В наших переводах стоит: «не творите милостыни вашей», но лучшие рукописи имеют: «не творите праведности (или: правды) вашей». И выбор этой второй формы, неизбежный объективно, оправдывается, как и в предыдущем примере, анализом текста. В привычной форме текста ст. 2 оказывается, по существу, ненужным повторением ст. 1. С другой стороны, принимая во внимание, что для иудея праведность получала свое выражение в милостыне, молитве и посте, мы без труда понимаем предостережение ст. 1 в его первоначальной форме, как общий заголовок, распространяющийся на весь отрывок VI. 1-18, в котором стт. 2-4 содержат учение о милостыне, стт. 5-15 — учение о молитве, и стт. 16-18 — учение о посте. Можно было бы привести и другие примеры.

Субъективное усмотрение при выборе той или иной формы текста, предоставленной в доступных нам свидетельствах, подчиняется известным правилам. Как общее правило, при равновесии объективных данных, предпочтение оказывается форме текста более трудной перед формой текста более легкой, в сознании, что переписчику было естественнее предположить ошибку в оригинале и заменить дошедшую до него и мало ему понятную форму другую более легкую, — нежели сознательно поставить трудное чтение на место легкого. Приведу один пример: Апок. 1. 4. Греческий оборот, переданный по-русски: «...от Того, Который есть и был и грядет», есть далекое от буквы перевода выражение, представляющее собою нагромождение синтаксических неправильностей: именительных падежей после предлога «от» и соединения союзом «и» причастных и спрягаемых форм глагола. Точный перевод должен передать и по-русски вопиющую неправильность, режущую слух в греческом подлиннике. Я предлагаю: «...от «Сущий и Он был и Грядущий»...» Так нельзя сказать по-русски, но так нельзя сказать и по-гречески. Характерно, что некоторые греческие рукописи имеют после предлога «от» или член в родительном падеже или родительный падеж «Бога». И то и другое пред-

ставляет собою облегчение трудного чтения, тем самым заслуживающего предпочтения перед попытками его исправления.

Таким тернистым путем идет современная критическая наука в поисках буквы апостольского подлинника. Она решительно отвергла *textus receptus*, восходящий к неудачным первоначальным изданиям греческого текста, сделанным на основании поздних Средневековых рукописей. С другой стороны, установив наличие нескольких семей Новозаветного текста, она нашла тот единственный путь, который может ее приблизить к искомой цели. Там, где между собою совпадают разные формы новозаветного текста, сложившиеся в условиях, исключающих взаимное влияние, единственным объяснением совпадающих свидетельств оказывается их верность общему первоисточнику. Таким общим первоисточником может быть только апостольский подлинник.

Результаты этих исследований доступны рядовому читателю в критических изданиях Н. З. Из ученых, поработавших на этом поприще должны быть названы немецкий критик Тишендорф, в половине XIX века, и особенно два английских исследователя, Епископ Весткотт и д-р Хорт, выпустивших свое критическое издание в 1881 году. Издание это в настоящее время значительно устарело. Некоторые мнения великих ученых не удержались в науке, но деление новозаветного материала на семь восходит к ним, и все новейшие издания Н. З., в той или иной мере, зависят от них. Из современных изданий должно быть названо общедоступное издание Нестле. Один из критиков нашего перевода дал оценку издания Нестле, как крайне протестантского. Это — явное недоразумение. Заслуга Нестле заключается в его строгой объективности. Новозаветный текст Нестле не есть плод его собственного исследования, а всего лишь сводка тех заключений, к которым пришла современная наука. Нестле настолько объективен, что сообщаемый им критический материал позволяет читателю самостоятельно отнестись к предлагаемым им заключениям и предпочесть избранному им варианту другой, помещенный им в аппарате. По тексту Нестле училось много поколений современных богословов в разных странах, не только протестантских, но православных и даже католических. Очень показательно, что до самого недавнего времени текст Нестле был принят в семинариях католической Испании. Он вышел из употребления только тогда, когда появилось испанское критическое издание иезуита Бовера, научно вполне доброкачественное и восходящее, как и все современные критические издания, к труду Весткотта и Хорта.

Из того, что было сказано, вытекает, что современное исследование привело не к восстановлению буквы апостольского под-

линника, а всего лишь к большему или меньшему приближению к этой букве. Совпадение свидетельств, о котором была речь, надо понимать только в этом общем смысле. К букве апостольского подлинника критический текст ближе, чем *textus receptus*, но в существенном не только критический текст, но и *textus receptus* сохраняют верность апостольскому подлиннику. На основании современных изысканий несколько новозаветных отрывков, принадлежащих к *textus receptus*, отвергаются критическими изданиями. Это, во-первых, слово о трех небесных свидетелях, I Ин. V. 7. Этот отрывок, западного происхождения, встречается в греческих рукописях Н. З. не ранее позднего Средневековья. Цитировать его в катихизисах, вместе с Митр. Филаретом, как свидетельство Писания в пользу учения о Св. Троице, нельзя по той простой причине, что к Писанию он не принадлежит. Но Первое Послание Иоанна все от начала до конца говорит о тайне Св. Троицы, и наш текст выражает в чеканной формуле догматическое содержание Послания. Очень вероятно, что формулировка принадлежит вдумчивому читателю Послания, сделавшему свое замечание на полях принадлежавшей ему рукописи, откуда, при дальнейшей переписке, оно попало, по недосмотру невнимательного писца, и в самый текст. Второй новозаветный отрывок, не принадлежащий к апостольскому подлиннику, есть конец Евангелия от Марка: XVI, 9-20, читаемый, как третье Евангелие, на воскресных утренях годового круга. В древнейших рукописях он отсутствует. Внутренние данные — сравнение его с Евангелием от Марка — тоже не в пользу его подлинности. Но ученые согласно усваивают ему очень большую древность и понимают его, как первую евангельскую «синопсис», сведение воедино повествования всех четырех евангелий о Воскресении Христовом. Отказываясь считать его частью апостольского подлинника, мы не теряем почти ничего, поскольку значительная часть его содержания встречается в других евангелиях, а его богослужебное употребление, не доказывая его подлинности, сообщает и ему авторитет Священного Писания. Третий отрывок есть рассказ о жене, ятой в прелюбодеянии, Ин. VII. 53 — VIII. 11. Те же внешние объективные данные, подкрепляемые сравнением отрывка с Евангелием от Иоанна, не позволяют сомневаться в том, что к первоначальному тексту Евангелия от Иоанна этот отрывок не принадлежал. Позволительно думать, что он попал в Евангелие от Иоанна и закрепился в этом месте, как символическая иллюстрация слова Христова, VIII. 15. Несомненно одно: отрывок отмечен печатью непререкаемой подлинности и представляет собою осколок древнего предания, по неизвестной нам причине не закрепив-

шийся в синоптических евангелиях. В современных комментариях на Евангелие от Иоанна толкование отрывка часто выделяется в особый параграф в конце книги. В других случаях речь идет об отдельных фразах, чаще об отдельных словах и даже об отдельных буквах, поскольку изменение одной буквы может существенно менять значение той или иной склоняемой или спрягаемой формы. В поисках апостольского подлинника мы обязаны отвергнуть эти позднейшие прибавления, но их исключение в критических изданиях и переводах и, наоборот, их присутствие в *textus receptus* не изменяет существенного содержания Писания. Сохранность Писания в существенном поистине достойна удивления.

И тем не менее, последнюю целью научного исследования новозаветного текста остается восстановление апостольского подлинника, и борьба за критический перевод Н. З., которую мы наблюдаем, в той или иной форме, во всем христианском мире, есть борьба достойная и праведная. Конечно, Св. Писание продолжает жить в Церкви. Для отдельных членов Церкви при каждом новом чтении Св. Писания открываются новые глубины. Они открываются и для церковного сознания. Двух примеров для пояснения этой мысли будет достаточно. Так, я держусь убеждения, что заключительное славословие было изначальной частью Молитвы Господней (Мф. VI. 13), и сделал даже попытку печатно обосновать свое мнение (ср. мои две статьи о М. Г. в «Православной Мысли»), но славословие это первоначально не содержало Троицной формулы. В литургическом употреблении М. Г., Церковь ее ввела, и тем самым засвидетельствовала, что в молитве, обращенной к Богу-Отцу, она прозрела обращение и ко всей Св. Троице. Всем известна борьба Никейских отцов IV века за слово «единосущный» в Символе Веры. Противники этого слова настаивали на том, что оно не встречается в Писании. Но церковное сознание сумело его отстоять в убеждении, что оно выражает с чеканной четкостью заключенное, хотя и не досказанное, в Писании учение.

Но несмотря на все это, нам дорога, скажу больше: нам нужна, и самая буква Писания. Для христианина Св. Писание есть Писание богодухновенное. В разное время и в разных христианских обществах богодухновенность понималась, а отчасти и понимается по-разному. Но замечательно, что «вербальная» богодухновенность, убеждение в Божественном происхождении каждого слова, «каждой иоты» Писания, которое выражали в древности апологеты, а в новое время — старшие поколения протестантов, не удержалось ни в древней Церкви, ни в Протестантизме. С теми или иными оттенками, но богодухновенность понимается, можно сказать, во всем христианском мире, как некое таинственное сот-

рудничество Св. Духа и осененного Его освящающею благодатью писателя. Для православного сознания, богодухновенность Св. Писания представляет собою, рядом с Боговоплощением и с тайной Церкви, одно из проявлений богочеловечества с неизбежным умалением — «истощание» — Божественного начала в Его приобщении к человеческой немощи. Если бы Церковь учила о «вербальной» богодухновенности, она могла бы притти к освящению *textus receptus*, как того окончательного результата, к которому привело употребление Св. Писания в Церкви. Она этого не сделала и сделать не могла, поскольку ее понимание богодухновенности приложимо только к апостольскому подлиннику, плоду человеческого усилия, осененного Св. Духом писателя: не отвлеченного символа, а живой исторической личности. Научный подвиг христианских ученых, посвятивших всю свою жизнь работе над текстом Новозаветного текста, есть подвиг великого христианского благочестия и великой христианской любви. И в деятельности Библейского общества — от его основания, полтора года тому назад, до нашего времени, — я не знаю, что достойно большего удивления: служение духовным нуждам разных народов, в том числе и нашего русского народа, или безграничная любовь к Св. Писанию, как носителю Божественного Откровения.

Апостольский подлинник, как цель христианского исследования новозаветного текста, еще не найден, и, вероятно, никогда не будет найден. Он представляет собою как бы некий математический предел, к которому исследование стремится и непрерывно приближается, но который, как всякий предел, обречен навсегда остаться за пределами. Этому нас учит опыт неусыпного труда истекших десятилетий. И тем не менее, стремление к этому пределу христианская наука осознала, как свой христианский долг. Не то же ли мы наблюдаем и в других областях христианской жизни? Христианское совершенство всегда остается недостижимым пределом. Но последняя цель этого пути — безостановочного и бесконечного — нам предписана Самим Христом: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. V. 48).

Епископ Кассиан.

Хавеа (Испания)
Сентябрь 1955.

ПОЧЕМУ 1-го АВГУСТА БЫВАЕТ КРЕСТНЫЙ ХОД НА ВОДУ?

В 37-м номере «Вестника» Ф. Спасский упоминает (стр. 21) о праздновании 1-го августа «Первого Спаса», дня ветхозаветных мучеников, братьев Маккавеев. К сожалению, автор забыл упомянуть, что водоосвящение в этот день совершается не в храме, а при крестном ходе на ближайшую реку или иной водоем, где совершается водоосвящение и в день Крещения Господня. На Украине крестный ход 1-го августа собирал едва ли не больше верующих, чем в день Крещения. Конечно, в этот день не производились никакие работы. У реки освящались также головки мака, мед и цветы («васильки», — это не русские васильки, а совершенно иное ароматное растение «*Basilicum*», и желтые астры). Что праздник принадлежал к особо почитаемым народом, свидетельствует и существование специального «культового блюда»: это были «шулики», т. е. пресные коржи с маковым молоком и медом. Существование такого «культового блюда», как и в иных случаях, может считаться свидетельством того, что празднование первого августа принадлежало к старым праздникам, во всяком случае восходило к 17-му веку, а, вероятно, и ко временам более древним.

Крестный ход вряд ли возможно сблизить с византийским водоосвящением, которое совершалось в начале каждого месяца и при том в храме. Стоит поставить вопрос, каково происхождение крестного хода 1-го августа.

Ф. Спасский отмечает, что сведений о таком праздновании в Византии «не сохранилось». Конечно, не потому, что сведения эти утрачены — греческих Служебных Миней и Типиконов есть достаточное количество, а потому, что там такого празднования никогда и не существовало. Между тем, в России крестный ход 1-го августа очень стар. Уже посол Петра I-го, П. А. Толстой отмечает в своем дневнике с некоторым удивлением, что в греческой православной церкви в Венеции в 1697 году водоосвящение совершалось в храме: конечно, это было обычное, ежемесячное водоосвящение греческой церкви. Но у нас есть исторические сведения об особенно торжественных богослужениях с крестным ходом на Москву-реку. Когда в Москве пребывали в 1666-7 гг. вселенские патриархи, Паисий и Макарий, в их присутствии состоялся крестный ход с водоосвящением 1-го августа 1667 года. Точно также особо торжественный крестный ход был устроен во время посещения Москвы антиохийским патриархом Макарием, 1-го августа 1655 года. Следует обратить внимание на то обстоятельство,

что посещение патриархов в 1666-7 гг. было связано с попыткой уединообразить русские и греческие богослужения. Если для патриархов было устроено богослужение, отсутствовавшее в греческой церкви, то, конечно, им надо было сообщить об **особо важной причине** установления этого празднования. Конечно, крестный ход не был устроен специально для патриархов, а был обычным ежегодным. Уже в составленном по поручению патриарха Филарета в 1627 г. своего рода «Типиконе» (напечатан в «Древне-Русской Вифлиофике» Новикова, том VI, 1788) празднование первого августа «по всем градам и весям» было отмечено. А что такое празднование было уже в XV веке, об этом сообщает А. Дмитриевский в своей работе «Богослужение русской церкви в 16 веке» (Казань, 1884). Наконец, один из провинциальных русских славистов, Н. Шляков, занимавшийся главным образом вопросами хронологии, указывает (Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1904 год, кн. 2), что он нашел сведения о праздновании 1-го августа уже в одной Служебной Минее 15-го века.

Что празднование и в частности крестный ход не связаны с памятью братьев Маккавеев, представляется довольно ясным: в истории их умучения вода не играет никакой роли. Кроме того, книги Маккавейские не принадлежат к старым переводам св. Писания и появились в русской письменности вряд ли ранее конца 15-го — начала 16-го века.

Не более вероятно и то, что празднование установлено в память «победы кн. Андрея Боголюбского над Волжскими (не «Камскими») Болгарами» (что, впрочем, утверждает архиепископ Сергей в своей книге о праздниках русской церкви). Во-первых, самая победа, над вовсе не опасным в это время (1173 год) соседом, не представлялась ничем замечательным: последний вооруженный конфликт с Волжскими Болгарами перед 1173 годом отмечен летописями в 1088 году, при том это было столкновение с Болгарами вовсе незначительного Муромского княжества. После этого они исчезают со страниц летописей и только в 1117 году сообщается о их столкновении с половцами. Что походу 1173 года сам Андрей Боголюбский не придавал особого значения, показывает тот факт, что он сам в поход не отправился, а послал с войском своего сына Мстислава (умершего в том же году); кроме суздальского отряда в походе приняли участие только князья Муромский и Рязанский. Никакой «победы», в сущности и **не было**, русские войска заняли шесть болгарских деревень и вообще не встретили болгарского войска. Ипатьевская летопись уделяет этому походу несколько строк из 5-ти страниц, посвященных собы-

тиям 1173 года. Успех русских приписывается покровительству Богоматери (вероятно, Владимирской иконы Богоматери, являвшейся, так сказать «палладиумом» кн. Андрея). Если даже и был во Владимире установлен **местный** праздник, то совершенно невероятно, чтобы он мог приобрести **всероссийское** значение: кн. Андрей Боголюбский был крайне непопулярен и в Киеве, который он сжег и разграбил в 1171 г. (при чем сожжен был и Печерский монастырь), и в Новгороде, против которого он ходил походом; да и вообще он воспротивился против себя большинство удельных княжеств. В 1175 г. он был убит заговорщиками.

Что касается побед Императора Мануила над «персами» (как говорится в греческих Минеях), то с этой победой связано чествование животворящего Креста Господня. В память этой победы Крест Господень носили в течение первых дней августа по Константинополю и служили в разных местах города литии. Конечно, Византийский праздник мог перейти на Русь и с ним, очевидно, связан вынос креста 1-го августа (см. статью Ф. Спасского). Но по сообщению Шлякова, Византийский праздник носил **местный** характер, был собственно **церковным** праздником храма св. Софии в Константинополе, где и хранился Крест Господень. Возможны и другие объяснения выноса креста, о которых пишет Ф. Спасский.

Крестные ходы на воду известны в русской церкви еще только в дни Крещения Господня и Преполовления. Нет сомнения, что для установления такого исключительного обряда, как крестный ход на воду 1-го августа, должны были быть в свое время более значительные поводы, чем победа над Волжскими Болгарами. И здесь надо признать вполне основательным предположение Шлякова, что 1-го августа праздновалось Крещение Руси. Шляков мог сослаться на согласие с этим мнением таких крупных специалистов, как профессора Е. Голубинский и В. Болотов, а также привести в доказательство своего мнения то соображение, что после крещения новокрещеным предписывается пост, и 1-го августа как раз и начинается Успенский пост. Но неожиданно Шляков нашел поддержку академика А. А. Шахматова, который сообщил, что в трех различных Хронографах (компилятивных очерках всемирной истории) крещение Руси датируется именно 1-м августа. Правда, рукописи, на которые ссылается Шахматов, принадлежат 16-му веку. Поэтому вряд ли можно считать 1-ое августа **исторической** датой крещения Руси (т. е. собственно киевлян, так как именно крещение киевлян обычно обозначается, как «крещение Руси»). Можно только утверждать, что в 16-м и, по всей вероятности уже в 15-м веке, эта дата согласно традиции была общепри-

знанной. Насколько достоверна такая сравнительно поздняя традиция, об этом, конечно, можно спорить. Но, во всяком случае, крестный ход на воду 1-го августа получает таким образом более убедительное объяснение, чем все другие существующие, а сохранение в памяти потомства и устной традиции такой важной, хотя бы и не записанной даты, само по себе не представляется чем-то невозможным.

Специалистам по истории церкви и по литургике следовало бы обратить внимание на эту возможную дату крещения Руси и еще раз пересмотреть этот вопрос, представляющий во всяком случае значительный интерес.

Дмитрий Чижевский.

Гарвардский университет.
Кембридж, Массачусетс.

ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ СЕНТЯБРЯ.

С 1 сентября начинается церковный годичный круг, начало месящеслова, от которого последовательно распределяются неподвижные церковные праздники всего года. Устав церковный называет этот день латинским словом «индикт», поясняя его в примечании — «сиречь новое лето», вернее первый день годичного круга. (Индикт, собственно, обозначает распоряжение Римского императора о подати, взимаемой после жатвы).

Начало христианского церковного года в сентябре (седьмом месяце в году, как показывает само название месяца*), укрепило со времени 1-го Вселенского Собора. В 540 г. оно было подтверждено имп. Юстинианом, заменившим летосчисление от основания Рима, летосчислением от сотворения мира, с началом года 1 сентября.

Введение в 1700 году Петром Великим гражданского начала

*) До 1492 г. новый год в России начинался с 1 марта, месяца страдания Спасителя, первого весеннего месяца, бывшего у Евреев началом СВЯЩЕННОГО года, и удержанного затем Римлянами до 1 в. до Р. Х. В названиях месяцев эта система счисления оставила след: сентябрь — седьмой (септимус) месяц после марта, октябрь — восьмой, ноябрь — девятый, декабрь — десятый по порядку от марта.

Старый и новый стили — Юлианский и Григорианский — получили свое начало в 1582 году при папе Григории XIII, пытавшемся исправить введенное при имп. Юлии исчисление лет в первом веке до Р. Х., причем и начало года перенесено было на 1 января. Григорианское исчисление не приняло во внимание постановления соборов о соблюдении правила о том, чтобы христианская Пасха не совпадала с иудейской, что на западе теперь случается и чего восток избегает до сих пор.

года с 1 января не было принято церковью в России. Церковь удержала свое счисление времени, несмотря на правительственное распоряжение.

Дата 1 сентября, избрана церковью для начала года, скорее всего, в подражание Израилю, начинавшему **гражданский** год с первого месяца Тисри, седьмого в храмовом году (Лев. 23, 24-25), после жатвы, завершавшей трудовой год. Это время, конечно, подходит к условиям земледельческого труда почти всего мира. Но Церковь, конечно, принимала во внимание иные основания. В данном случае она опирается на тот отрывок Евангелия от Луки, который читается 1 сентября (IV, 14-22), который повествует о чтении Спасителем в синагоге кн. пророка Исаии (гл. 61) о «лете Господнем благоприятном». Это событие воспоминается во всех песнопениях и чтениях этого дня.

День Рождества Богородицы, собственно, и начинает церковный круг всего года, и в особенности, самых значительных церковных, двенадцатых праздников. Любопытно отметить, что этот круг начинается богородичным и заканчивается богородичным же праздником Успения Богоматери, 15 августа, при завершении церковного года. Еще надо отметить одну русскую особенность, — этот день является праздником икон Богоматери Софийныя и храма — Софии Киевской.

Празднование дня Рождества Богородицы основано, как многие богородичные праздники (кроме Благовещения), на повествовании апокрифических, а не канонических евангелий. Надо сказать, что эти повествования принимаются православной и католической церквями, как древнее церковное предание, однако, толкования их разнятся, особенно после провозглашения новых католических догматов о Богоматери.

Признаки того, что день этого праздника отмечался одинаково на востоке и западе, — относятся к V-му веку. Однако, первые песнопения в честь особого празднования этого дня появляются гораздо позже, к VIII веку, хотя и можно думать, что эти песнопения вытеснили короткие гимны уже бывшие в употреблении за богослужениями в честь события. Здесь надо отметить фигуру одного плодовитого писателя богослужебных песнопений и слов в честь Богоматери — Андрея Критского, который еще не знает особого дня празднования для Рождества Богородицы. Его канон на день Рождества говорит и о Ее зачатии и о позднейшем событии Введения во храм. Праздник Введения во храм, судя по име-

нам авторов песнопений, получил отдельное празднование только с IX века, скорее всего в Палестине.

Католическая практика отмечает день Рождества Богородицы более торжественно, чем день Введения, не почитаемый праздничным днем высокого разряда, как напр., зачатие Богородицы. Это показывает, что Православие и Католичество по разному оценивают те же источники апокрифического евангелия, повествующего о рождении и зачатии Девы Анной и затем о введении Ее во храм. Повествование о Введении во храм трудно согласовать с новым католическим догматом о облагодатствовании Богородицы в момент Ее зачатия ради будущих заслуг Сына. Такое зачатие уже не требует от Девы собственных заслуг, человеческого совершенства, столь дорогого для Православия и отмеченного песнопениями праздника Введения.

Службы дней предпразднества и попразднества и самого праздника Рождества Богородицы развивают мысль, что Богородица есть связь между небом и землею, мост приводящий человечество к свету. В службах этих постоянно упоминаются имена земных праотцев Богородицы, Иоакима и Анны, как достигших вершины праведности и получивших воздаяние от Бога, снявшего с них поношение безчадства. Значение богоотцев Иоакима и Анны Церковь подчеркивает, поминая их имена ежедневно в отпустах служб и устанавливая ряд праздников в их честь: 9-го сентября, как попразднества Рождества Богородицы, 25-го июля — успения Анны, и, наконец, в праздновании ЗАЧАТИЯ АННОЙ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, 9-го декабря. Последний праздник развился на востоке, как почитание, именно, святой Анны. Запад воспринял его, как праздник непорочного зачатия Богородицы, не считаясь с исконной восточной традицией. Канон праздника зачатия принадлежит руке того же Андрея Критского, воспевающего Рождество и Введение, и начинается он словами «Твое зачатие празднуем, богомудрая Анно».

В службе дня Рождества Богородицы Стефан Саваит пользуется зачастую метафорами, непонятными некоторыми ревностными католическими толкователями и защитниками нового догмата о непорочном зачатии. Так, напр., выражение «благодать плодородити начинает» принимается буквально, несмотря на то, что Иоанн Дамаскин в своих творениях, писанных веком ранее объясняет это словоупотребление, называя Анну **благодатью**, так как слово «Анна» по-еврейски значит — благодать. Неправильно также толкуются католиками и слова Андрея въ канонъ Рождества Богородицы «непорочное зачатие Твое». Если подойти к этому выражению без предвзятого мнения, то ясным станет, что преп.

Андрей имел в виду единственное непорочное зачатие Самого Христа, Его Матерью Девой. «Пречистое Твое рождество (т. е. рождение самой Девы) непорочное, несказанное зачатие (Девой Христа) неизглаголанно и рождение Твое» (рождение Девой Спасителя). Логическая последовательность мысли преп. Андрея здесь ясна и ее истолкование католиками есть величайшая натяжка, игра слов, без желания проникнуть в истинный смысл выражения. События здесь излагаются в их временном и логическом порядке: рождение самой Девы, зачатие которой не упомянуто автором, затем уже подвиг Богородицы: непорочное зачатие самой Девой и рождение Ею Христа, «достойное чистоты рождество, наследованное через обещание». Песнопения праздника принадлежат авторам, по преимуществу Палестинского происхождения. Это обстоятельство показывает, что традиция празднования получила свое начало в Палестине, месте подвига Богородицы и Ее родителей.

Возможно, что дата 8 сентября была избрана, как противовес периоду празднования олимпийских игр в Азии. Христианское предание говорит о том, что эта дата была указана одному подвижнику в откровении.

Второй двенадцатый праздник сентября, Воздвижение Креста Господня, 14 сентября, имеет своим основанием нахождение имп. Еленой, матерью Константина, трех крестов на Голгофе в 326 г. Датой своей праздник связан с событием освящения в Иерусалиме храма Воскресения 13 сентября 335 г. Праздник назван «не обретением», а «воздвижением» оттого, что патр. Макарий подымал крест Господень, чтобы все собравшиеся могли его видеть. Имп. Елена нашла кресты после долгих поисков и, как передает христианское предание, узнала их местонахождение от одного иудея. Пилатова дощечка с надписью найдена была отдельно и потому сразу определить, на котором из крестов пострадал Спаситель было невозможно. После чуда исцеления женщины при прикосновении ко крестам, один из них был определен как крест Господа и предложен для поклонения. По историческим источникам крест обретен был в марте или мае, но празднование приурочено было уже в IV веке ко дню 14 сентября, быть может, чтобы он не падал на период Пятидесятницы, и не омрачал бы светлых дней Пятидесятницы. Можно сделать догадку, что вынос креста на 3-й неделе Великого Поста является воспоминанием его обретения, хотя объяснение триоди говорит об этом дне,

как о вехе, означающей пол пути «преплывающих великую пучину поста».

Закрепление праздника произошло в Иерусалиме в VII веке когда к этому празднику присоединилось воспоминание о возвращении Креста из плена персидского, куда святыня попала в 614 г., и откуда была возвращена по заключении мира в 628 г. при имп. Ираклии. Патриарх позволил императору нести крест, но до тех пор пока император не заменил рубищем свои одежды, он не мог поднять и нести крест.

Чин самого воздвижения Креста совершался лишь в монастырях и соборных церквях, но за границей он распространился и на приходские храмы. Чин заключается в возвышении и снижении до пола креста при пении многократного «Господи помилуй», так назыв. сотниц (на каждое прошение ектении положено петь 100 раз «Господи помилуй»). Исторические сведения говорят, что при вознесении креста патр. Макарием, народ многократно восклицал наиболее простую молитву «Господи помилуй».

Праздник этот рано попадает в разряд великих праздников, но отличается он скорбным характером поста, когда на «трапезе бывает утешение братии от елея, вина и прочих снедей овощных. Сыра же и яиц и рыбы никакоже дерзнем коснуться».

На этот день составлены были песнопения многими писателями и среди них Андреем Критским, который особо подчеркивает связь воздвижения Креста с освящением Иерусалимского храма Воскресения Христова (335 г.): «ныне обновляется воскресения дом». Феофан видит причину, побудившую имп. Елену к поискам креста в явлении его на небе Константину: «крест показався на небе царю благочестивому» о чем рассказывает историк IV века Евсевий.

Пригвождение Спасителя ко кресту есть предизображение Его вознесения. Поэтому в службе мы слышим выражения: «вознесыйся на крест волею» и псаломский стих: «Вознесите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножию ногу Его, яко свято есть». В явствовании Евангелия о дщице с Пилатовым надписанием и в словах этого псалма лежит объяснение, почему православная Церковь приняла осьмиконечный крест: короткая верхняя часть обозначает надписание и нижняя перекладина — упор для ног, подножие. Символика косога расположения ее объясняется в связи с текстом евангелий (Лк. XXIII, 39-43, Мф. XXVII, 38, Ио. XIX, 18, 19) о распятии двух разбойников справа и слева. Поднятый край перекладины указывает «благоразумного» разбойника, получившего обетование рая.

Ф. Спасский.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

М. Г. Редактор,

Ваши возражения на мое письмо, помещенное в № 35 «Вестника», касаются вопроса о природе Православия и потому я позволяю еще вернуться к теме о Церкви Траванкора.

Я исхожу из понимания, что община христиан, исповедующая православное учение о Св. Троице и о Боговоплощении, может по праву именоваться православной. Редакция же, очевидно, придерживается мнения, что признаком Православия является общение в таинствах с церквами связанными с Константинопольским Патриархатом.

Мне представляется, что в подобном случае Болгарская Церковь, которая находилась в схизме с 1872 по 1945 г., не могла в течение этого периода считаться православной, на чем и настаивают некоторые греческие богословы, но что было опровергнуто той формой примирения, которая была принята в 1945 году. Что же касается Вашего доказательства о неправославии индийцев, то оно основано на недостаточной осведомленности Редакции. Они, как и мы считают Евтихия еретиком. В своем богословии они следуют учению св. Кирилла Александрийского и его верного ученика Севера. Их консерватизм с точки зрения нашего богословия основан на непонимании истинного смысла Халкидонских постановлений. Мы имеем все основания не соглашаться с их неприятием папы Льва Великого и его посланий, но это еще не означает, что траванкорцы заражены ересью. Если бы это было так, то и значительное число восточных отцов Церкви, живших до Халкидона, должны быть обвинены, если не в ереси, то в ущербленном знании истинной веры.

Редакция «Вестника» возражает также против моего утверждения, основанного на личном опыте жизни и работы с Церковью Траванкора, что она сохранила свет Христовой истины среди тьмы окружающего ее язычества. В январском номере журнала Московской Патриархии помещена статья о христианстве в Индии. Ее автор называет Траванкорскую Церковь Индо-Православной и описывает ее, как хранящую светильник Христовой Истины. Я верю, что его мнение выражает голос русского Православия, и что недалеко то время, когда мы сможем подать руку общения нашим индийским собратьям по вере, которые в течение своей бурной истории, отрезанные от главных очагов Православия, сохранили верность тому учению, которое они получили от своего основоположника, Апостола Фомы.

Н. Зернов.

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ Н. М. ЗЕРНОВУ.

Многоуважаемый Николай Михайлович,

В ответ на Ваше письмо, Редакция считает своим долгом сделать следующие уточнения:

1) Единственным критерием Православия является исповедание полноты Апостольской веры.

2) Церкви или церковные общины не находящиеся в общении с Православием, являются либо схизматическими, либо еретическими, и должны, чтобы стать православными, исповедать полноту Истины.

3) Индийская церковь, в настоящее время, формально придерживается монофизитской ереси (признание во Христе только одной божественной природы). Если она и отвергает (как и другие монофизит-

ские церкви: Армянская, Коптская, Эфиопская) Евтихия, то считает святым Диоскоро, анафематствованного IV Вселенским Собором, и отвергает этот Собор.

4) Ваше утверждение, что, если мы обвиняем Индийцев в формальной ереси, мы должны так же поступить с теми отцами Церкви, которые до Халкидона употребляли выражения «монофизитские», — совершенно неверно. Церковь верит, что Соборы выражают и формулируют веру всего церковного предания. Так, Халкидон выразил веру всех отцов, но сделал это с большей ясностью, а отнюдь не с большей полнотой, ибо он ничего не прибавил и не мог прибавить к Евангелию. Отвержение Халкидона монофизитами отнюдь не означает, что они придерживаются «до-Халкидонской», «консервативной» веры, а указывает на несогласие их со всем церковным преданием.

5) Все вышесказанное не исключает, в отношениях между церквами, многочисленных недоразумений, основанных на факторах этнических, терминологических, политических. Таких недоразумений было много в эпоху Халкидона, их стало еще больше теперь. Монофизиты действительно думали, что придерживались «веры отцев». Многие в истории Халкидона мешало правильному пониманию догмата. В настоящее время монофизиты (и особенно Индийцы) совсем забыли о подлинной теме спора. Поэтому, нам православным надлежит употребить все усилия, чтобы воссоединить их с Церковью. Это воссоединение возможно, если будут обойдены те недоразумения, которые мешают им принять Халкидон.

6) Последнее замечание по поводу приводимого Вами примера церкви Болгарской: с 1872 по 1945 год эта церковь действительно находилась в расколе. Форма примирения 1945 года включала с ее стороны покаяние и принятие основного условия, которое от нее требовалось в 1872 году: не иметь Болгарской епархии в самом Константинополе, что нарушало бы территориальное устройство Православной Церкви в угоду национализма или «филетизма».

В заключение, Редакция считает своим долгом выразить свое теплое сочувствие тем переговорам о соединении с Индийской Церковью, которые могли бы начаться или уже начались.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Православный Путь». Церк. Богосл. Филос. ежегодник, Jordanville, 1954.

Новый номер ежегодника «Православный Путь» очень богат и насыщен содержанием. Несколько статей посвящено А. С. Хомякову, другие статьи касаются разных вопросов истории Церкви. Современные церковные вопросы тоже затронуты в ряде статей (архим. Константин, еп. Аверкия и др.), а в особом приложении, М. М. Родзянко написал большой очерк под обещающим заглавием «Правда о зарубежной Церкви».

Что касается двух статей архим. Константина, то на них лежит все та же печать болезненной экстаичности, нездоровой напряженности, как и во всех его писаниях. У о. Константина повсюду такое fortissimo, что это оставляет тяжелое впечатление утери трезвости. В своей статье «Отступление» о. К. так выражает свое основное настроение: «зреет атмосфера для дальнейшего сгущения «Отступления» вокруг некоего последнего центра, которая будет иметь задачей встречу и прием Антихриста личного». Хотя сам о. К. признает, что «точное время сокрыто-

даже от ангелов», но в разных «знамениях времени» ему чудится уже формирование указанного «центра». Конечно, эсхатологическая устремленность, обращение к концу века сего всегда ко времени, но здесь очень нужно бояться нездорового самовозбуждения. Если мы и должны всякий день жизни проходить так, как если бы приблизился конец мира, но и при этом надо хранить в себе духовную трезвость и дар рассудительности, чтобы не оказаться нам, при мистической сверхчувствительности, рабами лукавыми и неключимыми.

Во второй статье (о Хомякове) о. К. поражает читателя еще более странными суждениями. Он, порицая Хомякова за отсутствие у него эсхатологической установки (что и верно), ставит ему в вину то, что свой миссионерский пыл Хомяков обращает на Запад, а не на Восток (чего хочет о. К. в своем отвращении к христианскому Западу). Как известно, Хомяков написал несколько статей в опровержение неверных мнений, высказанных на Западе о России, — а миссионерствовал он разве только в отношении Пальмера — и то потому, что Пальмер сам тяготел к Православию. В чем же вина Хомякова по о. К. Константино? Почему он увещивает читателя «не следовать Хомякову безоговорочно»? Или в отношении западных христиан грешно даже думать о том, чтобы им открылась правда Православия? Или о. К. так мало верит в силу Православия, так боится за него, что ожидает от обращения к христианскому Западу всяческих соблазнов, которых православное сознание не сможет преодолеть?

Очерк М. М. Родзянко заключает в себе много правды, но к сожалению и много неправды. Самое неверное в его очерке — крайне несправедливое отношение к Митр. Евлогию. Или М. Родзянко не читал книги м. Евлогия «Путь моей жизни» — или если читал, он нарочито вычитывал в ней то, что дает материал для обвинений м. Евлогия. Между прочим читатель с изумлением узнает от г. Родзянко, что юридические разделения в эмиграции возникли «по интригам богословов» — разумея — профессоров Богословского Института в Париже. При этом г. Родзянко, с самоуверенностью сердцеведа, уверяет читателей, что эти профессора «живут больше головой жизнью». И не стыдно такому серьезному человеку, как М. М. Родзянко, писать такие вещи? Что он знает о внутренней жизни этих профессоров? Тут же г. Родзянко повторяет недобросовестные выдумки о какой-то «доктрине Парижского Богословского Института». Что г. Родзянко возлюбил синодальную юрисдикцию и совершенно доволен ею, это его дело, но зачем он извращенно толкует в одном месте слова митр. Владимира, зачем опорокивает деятельность митр. Евлогия, сочиняет или повторяет злые выдумки о Богословском Институте?

Все это тем более печально, что М. М. Родзянко (в искренности которого мы не сомневаемся) вместо «правды о зарубежной Церкви», нагромождает в своей статье целый ряд неверных толкований и искажений событий церковной жизни. Не будем входить в детальный разбор этих искажений, но предостережем читателя от «правды» г. Родзянко, мы считаем своим долгом.

Протопресвитер В. Зеңковский.

M. J. Bouët de Journal, S. J. «Une Russe catholique». — «La vie de Madame Swetchine» 400 стр. Изд. Desclée de Brouwer.

Прекрасно изданная книга о. Руэ де Журнель, всем известного зна-тока русской религиозной действительности, является 2-ым изданием

его обстоятельной, с любовным вниманием написанной, биографией — почти агиографией — нашей соотечественницы, Софии Петровны Свечиной (рожденной Соймоновой)*). Дочь старой дворянской семьи и притом высоко культурной, эта первая русская женщина-богослов, еще в молодые годы перешла в католицизм и вскоре навсегда покинула Россию вместе с мужем-генералом, который остался верен родному правослалию. Конфессиональное расхождение не помешало, однако, мирному течению их брака, судя по всему, счастливому, несмотря на значительную разницу лет и жизненных интересов.

В Париже, где супруги прочно обосновались, Madame Swetchine, благодаря своим душевным качествам, ревностному благочестию и живому уму, быстро завоевала сердца и создала себе исключительное положение среди католической элиты.

Дружественные отношения, сохранившиеся до самой смерти, были уже завязаны ею в Петербурге в начале прошлого столетия с многими видными французскими эмигрантами, прежде всего с Жозефом де Местр, самым блестящим представителем «реставрационной» идеологии эпохи последних Бурбонов. Сблизилась она с ним позднее, но несомненно де Местр имел на нее влияние в острый период ее церковных блужданий... В свою очередь, София Свечина в зрелом возрасте, после своего обращения, оказала сильное влияние, — но не давление, ибо она была широко терпима — на все свое окружение, не только русское, но быть может еще более иностранное, находясь с ним в постоянном контакте, то непосредственно, то письменно, обладая редким эпистолярным даром. Обширная корреспонденция Madame Swetchine — драгоценный документ для обрисовки ее личности, а главным образом, для оценки ее личных религиозных взглядов.

Самый яркий пример того морального авторитета, который приобрела С. С. в своей среде, проявился в случае с Лакордером, будущим обновителем доминиканского ордена во Франции и лучшим ее «orateur sacré», после Боссюета. Тогда он был еще ближайшим сподвижником и молодым сотрудником Ламне, отходившего от Рима, и болезненно переживал крушение их общей реформационной (в социальном плане) программы, Папой отвергнутой. В этот момент духовного кризиса Mme Swetchine, никогда не сомневавшаяся в дальновзорной мудрости ватиканской политики, сумела убедить молодого борца принять единственно возможное для верного католика решение: безропотно подчиниться вердикту верховной иерархической власти. Вне строгого послушания власти Рима, выхода действительно не было для него. Приведенный нами пример вдвойне показателен, потому что он выявляет одновременно волевою силу Свечиной и то внутреннее устремление, тот категорический императив совести, который должен был ее привести к сознательному церковному выбору.

Для нас особенно интересен психологически ее личный путь, трудный, даже патетический, но всегда лояльный и прямолинейный. По натуре она отнюдь не была сентиментальной и мечтательной и еще менее склонной к так называемому мистицизму во вкусе г-жи Крюднер, эгерии Александра I-го. Ее не увлекало ни масонство, ни тем паче все ви-

*) О Свечиной уже имеется двухтомное жизнеописание принадлежащее ее другу, графу de Falloux. О. Р. де Журнель собрал и использовал более богатый биографический материал и глубже проник в него. Прибавим, что лучшая работа этого «russisant» — его исследование о «Monachisme et Monastères russes» (1950).

ды модного оккультизма, словом все те заразы религиозной экзальтации, на которую, увы, так падали некоторые и доньше.

Влюбле уравновешенная от природы и к тому же наделенная ясным и трезвым умом, Свечина жадно искала разрешения своих духовных, точнее церковных, сомнений. Заметим так же, что несмотря на роковую оторванность от корней народной святости, чуждая почвенно-православия, молодая С. все же искренне привязана к его традиционным формам. Тем не менее, по существу, душа ее не воспринимала подлинной красоты литургических воплощений, в коих переплавлялся благородный металл учения св. Отцов. Но именно этого знания великой святоотеческой традиции ей не было дано, — вообще говоря, оно и не существовало для мирян в «золотой Александров век»...

Впрочем в своих поисках абсолютной исторической истины, поисках, о которых красноречиво свидетельствует дневник — *Le Journal de ma Confession* — Софии Свечиной, она обратилась к единственному источнику живой, казалось, воды, а именно к «Беседам о Православии верующего с колеблющимся» уже известного архимандрита Филарета, ставшего впоследствии самым замечательным русским митрополитом нового времени*). Но здесь ее ожидало полное разочарование. Сия школьная дискуссия, построенная по узко апологетическому методу, не могла удовлетворить требовательную критическую мысль, а лишь оттолкнула ее, совсем уже ознакомленную с тонкой диалектикой петербургских отцов-иезуитов**).

Вот как расценивает чисто формальную защиту «правой веры» молодая Свечина в одном из первых писем к де Местру: «J'ai lu plus de vingt fois cette brochure de Philarète pour en être de plus en plus mécontente; il trahit la cause qu'il devrait défendre et il ébranle toutes les bases du système adopté... La cause de l'Eglise grecque serait faible, qu'elle pourrait être encore mieux étayée» (стр. 108***). Отзыв строгий.

Однако, чтобы быть вполне справедливым, мы должны сознаться, что в данном случае даже полное откровение боговдохновенных истин Православия не смогло бы разрушить чары пленившего молодую душу теократического идеала.

По собственному признанию автора «*Une Russe catholique*», то, чего искала его героиня, лежало в иной плоскости: в церковной

*) Этот богословский диалог был переведен на французский язык в 1862 году протоиереем Сулаковым под заглавием: «*Entretiens d'un sceptique et d'un croyant sur l'Orthodoxie de l'Eglise Orientale*». Было бы не безынтересно узнать какие реакции появились на него во французской прессе — но возможно, что его попросту замолчали. В наше «экуменическое» время наверно завязался бы оживленный обмен мнений на тему ставшую à l'ordre du jour. Надо сознаться, что Прав. Церковь, в полную противоположность Риму, прозелитизма не поощряла никогда. Напомним по этому поводу полемику митроп. Филарета с о. Капустиным, миссионером того времени (см. о нем замечательную монографию о. Киприана Керна).

**) Можно даже удивляться долготерпению российских властей, на глазах которых открыто переходили в католичество целые фамилии национальной, даже придворной знати: Ростопчины, Нарышкины, Гагарины, Волконские и tutti quanti...

***) «Я перечитала более 20-ти раз эту брошюру Филарета и все более и более ею неудовлетворена; он подрывает самые основы того, что защищает...» (перевожу сокращенно).

проблематике, где ее неудержимо влекла аб ово идея власти, авторитета и дисциплины. Решающей инстанцией для Свечиной, был чисто исторический принцип еkkлeзиального единодержавия, иначе говоря, примат папского престола с вытекающей из него величавой структурой церковной иерархии. Пусть кристаллизованный догмат об infallibilitas ex cathedra, был провозглашен лишь в 1860 г., он зрел и реял в самом воздухе, которым дышал католический мир в первой половине 19-го века. Для многих русских западников эта завершенная гармония формальной миссией вселенской еkkлeзии. Тоже самое мы видим и у Чаадаева, а в известном смысле и еще более последовательно у Вл. Соловьева, хотя последний хорошо знал хояковскую концепцию соборности, как движущего нерва всего Православия.

Что касается Свечиной, то сам де Журнель подтверждает наш взгляд в одной лаконичной фразе, когда пишет о ней: «ce qui lui tient à coeur et ce qui constitue pour elle le centre de son étude, c'est la question de l'autorité du Pape de Rome» (стр. 119*).

В такой же перспективе «факт обращения» С. С. получает свою настоящую окраску и тональность. При этих условиях les jeux sont faits, как только, со свойственной ей наивной добросовестностью, молодая Свечина изучает 6-ти томную «Histoire, Ecclésiastique» Fleury, наполняя тетради выписками из этого давно устарелого и полного именно исторических ошибок сочинения. Сама она уже новообращенная, найдя свое жизненное призвание и пристань, отдает себе полный отчет в искомой вполне достигнутой цели: «La seule idée de religion comme recherche du véritable système du christianisme est celle dont le but est de découvrir l'Eglise à laquelle les promesses sont attachées. Une fois l'Eglise trouvée on est au terme du périlleux voyage; il n'y a plus qu'à se soumettre sans examen: c'est l'ex voto. Il est obligatoire» (стр. 147). Перед этим credo нельзя не преклониться с уважением, тем более, что оно принесло свой добрый плод.

Но для нас еkkлeзиальный вопрос ставится иначе, ибо к нему существуют два подхода, а именно: либо абсолютизация власти, как высшей инстанции, рельефно выступающей на историческом (временном) фоне миссионерской Церкви — такова позиция западного католицизма, как бы утратившего эсхатологическое упование, — либо на православном Востоке принятие глядящей в вечность сакральной тайны, где свободным веянием Духа живет изначальная вера в грядущее преображение всего тварного мира.

М. Лот-Бородина.

ХРОНИКА

«ХИЕККА»**).

«Поезжайте по большой дороге, которая ведет в Куопио; когда доедете до местечка Коневисси, свернете на север и продолжайте по направлению Кейтеле; проехав деревню Везанто, начинайте считать километры: примерно между 25-м и 26-м увидите лесную дорогу и стрелку с надписью Хиекка; сверните на нее и через 4 км. вы будете у цели». Такими были наставления добрейшего отца Лаврентия Митронена,

*) То, что дорого ее сердцу и является центром всего ее изучения, это вопрос об авторитарном верховенстве римского папы (стр. 119).

**) «Хиекка», означает «пески».

который с отеческой заботой принял нас в городке Юваскюля (300 км. на север от Хельсинки), устроил нам ночлег, обласкал, накормил и напутствовал в дальнейшую дорогу. (Из экономии мы ехали на автомобиле; местом нашего назначения был лагерь православной финской молодежи на берегу озера Нилакка, где, по окончании лагеря, должен был состояться православно-лютеранский съезд; мы должны были принимать участие и в лагере и в съезде).

Инструкции отца Лаврентия оказались точны. Это было важно, потому, что на лесных дорогах Финляндии спросить некого (а если, кто и встретится, то не поймет вопроса, так же как мы не пойдем ответа); поэтому едем, как в пустыне. Лес, лес, бесконечный лес («всюду наше зеленое золото», говорят финны); сквозь стволы берез и сосен серебрятся бесчисленные озера; автомобиль все время то взлетает на холмы, то ныряет куда то вниз; иногда с вершины такого холма видны целых три, а то и четыре крутых подъема и спуска; этим «montagnes russes», соответствуют и более незначительные встряски: дорога не асфальтирована, выбоины и камни на каждом шагу...

Но вот мы нырнули в просеку и после четырех километров проселочной дороги подъехали к месту нашего назначения: берег чудесного большого озера; деревянная (в виде беседки с крестом) звонница; большой — с трех крыльях — дом; в отдалении еще несколько домов и сараев; где то вдали — палатки, терюющиеся в лесной зелени... Сюда после войны был эвакуирован Коневецкий монастырь (который находился на острове Коневце на Ладожском озере). Но большинство насельников монастыря умерло: могилы их, в количестве тридцати, находятся в ближайшем лесу, в ста шагах от звонницы; теперь братия состоит из шести старцев, которые хранят свою святыню — икону Коневецкой Божией Матери (Младенец держит двух птичек), правят монастырскую службу, ведут свое нехитрое хозяйство. Среди них 92-летний отец Иосиф, который помнит возвращение в Петербург войск после Турецкой кампании 1877 года! Но хотя о. Иосиф свеж и бодр, и так и летает из монастыря к своей келейке (вернее сарайчику) на берегу озера — все же Коневецкий монастырь, еще более, чем Валаамский*), являет собою образ умирающей «Русской Оиваиды», которая мирно и благолепно заканчивает свои дни среди молчания северной природы, среди лесов, оглашаемых только пением птиц и чудесным звоном старинных колоколов....

А рядом расположился лагерь молодежи, который можно охарактеризовать именем «Северной Спарть». Для тех, кто бывал в St. Theoffrey или в других лагерях Движения, жизнь этого лагеря являет знакомую картину: подъем и спуск флага с пением национального гимна; утренняя и вечерняя молитва; занятия по кружкам и по группам; лекции, спорт, игры; по субботам и воскресеньям — богослужения на лужайке перед монастырской звонницей. Руководители лагеря — молодые финские священники, которые одевают рясу только для богослужений и для занятий, а в остальное время ведут одну юбщую жизнь с молодежью. Им помогают несколько опытных скаут-мастеров. Заведующий лагерем — окончивший духовную семинарию Вейкко Лакса, который думает обо всем, заботится обо всех, помнит обо всем. Рано утром слышен его голос, который благодаря громкоговорителю раздается на целые три километра: Huomio, huomio (внимание, внимание) — а затем

*) О Валаамском монастыре, см. «Вестник» 1952 года, № IV, Май-Июнь.

следуют непонятные слова. Но так как этот призыв всегда предшествовал утреннему чаю, то я и истолковал слово «huomio» как «чай» (и это так понравилось нашим друзьям, что они предлагали нам «huomio с сахаром и с молоком»).

В чем же отличительные черты этого лагеря, которые оправдывают его характеристику, как «Северной Спарты»? Ответ на этот вопрос заключается в одном слове, и слово это — суровость. Во-первых: суровость природы. Днем солнце греет, как на юге, но ночи (белые ночи: в 11 ч. — зоря), холодны и сыры. А когда идет дождь, то июль напоминает октябрь... Поэтому на вечерние костры молодежь приносит с собой одеяла, заворачиваются в них с головой и сидят вокруг огня в виде каких-то северных бедуинов. Эту картину я никогда не забуду: лес; огромный костер; вокруг огня сотня закутанных фигур; из-под надвинутых на глаза одеял сверкают молодость и задор... сквозь ветви и стволы сосен пылает пожар вечерней зари и все это покрыто непрекращающимися звуками песен. Слова непонятны, но мелодии захватывают; что-то стихийное в этом: точно ожившие северные саги, эпос Калевалы, голоса вешего Вейнемейнена*) и злой Лоухи**). Карельская молодежь любит и умеет петь; и это относится не только к песням фольклора, но и к богослужебным песнопениям.

К суровости природы надо отнести и комаров. Они так назойливы и злы, что могут привести в отчаяние. В этих условиях жизнь в палатках, без каких бы то ни было удобств, часто под дождем — требует большой выдержки и выносливости.

Вторым фактором суровости является экономика. Большинство молодежи ходит босиком (колючки, камни, болото); сапоги одеваются только по воскресеньям; одеты просто, может быть недостаточно тепло. Едят стоя за длинными столами; в хорошую погоду эти обеды à la fourchette, забавны и уютны; но во время дождя это менее приятно... Пища: гороховый суп (иногда суп из изюма), соленая селедка, грубые сухари (кнекеброд) намазанные маргарином, молоко — свежее и кислое. Все это дается в достаточном количестве. И все это готовится любящей и опытной рукой (на прекрасных военно-полевых котлах — кухнях на колесах); но отдаленность лагеря и соображения экономии (повидимому) не позволяют разнообразить стол, и это отражается на самочувствии молодежи: во время богослужений то один, то другой выходит из строя, чтобы присесть и отдохнуть.

И моя жена и я прочитали в лагере каждый по два доклада; говорили, главным образом, о задачах и формах движений молодежи — как на Западе, так и у нас; о церковной жизни эмиграции, о паломничествах, о женских курсах. Почти все православные Финляндии — беженцы из Карелии; поэтому опыт эмиграции им интересен и поучителен (хотя их беженство с нашим, конечно, сравнивать не может). Читать нам приходилось с переводчиком; молодежь говорит только на местном наречии («саволакса»); учится и, конечно, понимает финский литературный язык, но никаких других языков не знает. Вследствие этой языковой отчужденности наше знакомство с лагерем поневоле осталось поверхностным и суммарным. Одними улыбками многого не скажешь...

Лагерь закончился большим церковным торжеством. В воскресенье 3 июля в пустыне Хиекки на автобусах, грузовиках, автомобилях, лошадях и пешком собралось до тысячи паломников. Накануне — в суб-

*) Герой Калевалы — финский баян.

***) Легендарная властительница Севера — страны Сариолы.

боту вечером — на лужайке перед иконой Коневецкой Божией Матери была отслужена торжественная всенощная. Картина была незабываемая: бледно голубое небо, отраженное в прозрачных водах озера; яркая зеленая лужайка, на фоне которой ярко блестело золото икон и хоругвей и красиво выделялись красные облачения трех служащих священников; большое карре лагерной молодежи и толпа богомольцев кругом; торжественное служение, прекрасное пение; и все это залито «радостным светом» («фос иларфон») заходящего солнца... Но следующий день принес большое разочарование, напомним нам, что мы не на юге: с утра шел дождь, дул холодный ветер, озеро стало черно-серым и по нем ходили большие сердитые волны. Литургию пришлось совершать в большом сарае — в духоте, тесноте и давке... В субботу вечером вся молодежь исповедовалась. Причастие было обставлено особой торжественностью: для многих, живущих вдали от православных храмов, оно было едва ли не первым; для других эта торжественность была символом их вступления в число ответственных членов церкви с принятием на себя соответствующих обязательств. Психологически это празднование их церковного совершеннолетия заменяет у православных тот комплекс, который у лютеран соединен с конфирмацией. И это важно, потому, что в противном случае молодежь чувствует себя, как бы лишеной того торжественного момента в жизни, который играет такую большую роль у лютеран. наших босоножек мы в этот день не узнали: все девушки были в белых платьях, мальчики — в черных костюмах и крахмальных воротничках. Откуда-то появились чудные цветы (очевидно присланные на авионах в ближайший город из Хельсинки и привезенные родителями)... После литургии состоялся крестный ход на кладбище и затем — через лес и лагерь — к озеру — для водосвятия. При хорошей погоде это могло бы быть феерией; но под моросившим дождем белые платья должны были покрыться плащами и платками и только облачения священнослужителей и хоругви по неволе оказались жертвами порывов ветра и дождя... После водосвятия состоялся «торжественный» обед. Я беру это слово в кавычки, потому, что есть пришлось стоя: на мокрую землю сесть было нельзя, а скамеек и стульев в пустыне нет. Этим торжество закончилось; но в тот же вечер состоялось открытие православно-лютеранского съезда. В замысел последнего входило познакомить лютеранских богословов не только с православным вероучением, но и с народным благочестием. Церковное торжество с тысячами паломников должно было быть, как бы прелюдией съезда. Это удалось только отчасти: как из-за плохой погоды, так и потому, что лютеранские участники съезда оказались немногочисленными (в прошлом году на первом подобном съезде большинство было лютеранское, в этом году пропорция оказалась обратной), а некоторые приехали только на следующий день. Самый съезд продолжался три дня; был прочитан ряд докладов (о святости, о предании, об аскетизме), причем большинство тем трактовалось параллельно, православными и лютеранскими докладчиками. Но темы эти не были органически связаны между собой и это ослабляло богословский интерес съезда. Но тем не менее он должен считаться большой удачей. Для того, чтобы понять его значение, надо увидеть его в контексте общего положения экуменической проблемы в Финляндии. Православная церковь пользуется там правами (второй) государственной церкви. Но православных мало — менее 5% населения, и они тонут в лютеранской массе. Вся культурная жизнь тоже находится в руках лютеран. Вследствие этого, несмотря на внешнее благополучное положение вещей, у

представителей обеих церквей легко могут возникнуть чувства, характеризующиеся непереводаемыми терминами *complexes de supériorité et d'infériorité*. Культурность отношений их тщательно скрывает, но нет-нет и не проскальзывают: то в литературе, то в отдельных актах прозелитизма, то в борьбе (гл. образом, в провинции) пасторов и священников за человеческие души. Вследствие этого ни с той, ни с другой стороны нет особенного желания сближаться и вести общую работу. Несмотря на существующий официальный экуменический комитет, как лютеран, так и православных Финляндии, надо еще **убеждать** в полезности и нужности экуменизма... И вот в этом отношении съезд в Хиекке был очень значительным. Он не был ни многочисленным, ни представительным; но те, кто приняли в нем участие покинули его с полным сознанием необходимости совместной работы, с убеждением, что сближение вероисповеданий ведет не к ослаблению, а к углублению и усилению собственной церковности.

«Съезд разогрел даже меня», такъв был отзыв одного из православных священников, больше других stalkивавшегося с вероисповедными трудностями и потому скептически относившегося к возможности экуменической работы в Финляндии. Основной заслугой, вернее, удачей съезда было поэтому то, что лютеране **увидели** святую Православия, а православные приняли в свое сердце благочестие лютеран. По отношению к этому **духовному** опыту все доклады и беседы имели характер как бы подъездных путей, в которых, в формах богословской мысли, развивалось то духовное содержание, которое затем становилось видимым в церковной молитве. Ибо этот съезд, подобно большинству наших съездов, был литургическим и закончился двумя богослужениями: последний день начался православной литургией (на которой присутствовали все лютеране), за которой немедленно следовала лютеранская обедня (в присутствии всех православных). Взаимное молитвенное присутствие разумелось само собой и было центральным моментом съезда. Этому духовному сближению способствовало еще одно обстоятельство. Вследствие плохой погоды обе службы происходили в сарае; православные воздвигли в нем временный престол. И на этом же престоле служили и лютеране. И хотя мы все прекрасно понимали, что престол этот временный, и что наша литургия служилась не на столе, покрытом облачением, а на антиминсе (который после службы был убран), все же это служение трапезы Господней двух разных церквей в одном и том же помещении и на одном престоле создавало если не иллюзию, то впечатление **залога** чаемого единства и общения.

Все это не было предумышленно; экуменическое «видение» было нам дано, а не задумано. Но факт тот, что мы что-то увидели и что-то поняли, и в этом заключается духовное значение этой встречи. Не-предумышленно было и то, что в богословских беседах между православными и лютеранами царил максимально возможное согласие; мы не избегали трудных вопросов и не старались стилизовать себя друг под друга; но то обстоятельство, что лютеранство было представлено епископом Сормуненом (известным своим просвещенным иренизмом и вдумчивым отношением к Православия) и пастором Коранко (который долго жил в Карелии и полюбил православное благочестие), конечно, имело свое значение. Некоторый богословский задор был скорее проявлен православными, в особенности молодыми. Но общей атмосферой съезда было взаимное уважение, внимательность и искреннее желание увидеть и понять то, что для другого составляет его «святая святых»...

Съезд в Хиекке носил местный финский характер (исключением были только мы). Сначала мне казалось это ошибкой: я думал об обще-скандинавском, православно-лютеранском съезде на финской почве с участием шведов, датчан, может быть, немцев. Их всех хотелось мне приобщить православному благочестию, молитве православногo народа. Но потом я убедился, что решение, принятое финскими организациями, было правильным: 1) финская почва не является достаточно разрыхленной и подготовленной для широкой экуменической работы, 2) в условиях Хиеккской пустыни вряд ли возможно было принимать иностранных гостей. Один пример: когда я спросил Ингу Бриту Кастрен (б. секретаря Финского С. Х. Движения, благодаря которой съезд этот мог быть осуществлен) нашла ли она свою кровать (о комнате не могло быть и речи), она с очаровательной скромностью ответила: «да, нашла; но не кровать, а место на полу (*not a bed, but a floor*)»... Тем не менее, она была довольна не только духовным содержанием съезда, но и тем, что она ближе увидела и быт и гостеприимство русских монахов, и молящуюся толпу, и крестный ход, — вообще все то, «стихийное» и «почвенное» в Православии, что мы не в состоянии показать западным друзьям на экуменических съездах.

Съезд в Хиекке (подобно прошлогоднему съезду в Тейнихарью, в работах которого участвовали Павел Николаевич Евдокимов, его дочь Нина и его сын Михаил), должен быть внесен не только в хронику финского экуменизма. Проблема православно-лютеранского сближения стоит перед нами, как одна из насущнейших задач религиозной, культурной и политической жизни народов-соседей (русских и немцев, русских и шведов). Взаимное понимание (и примирение), может быть ими осуществляется только на почве религиозного сближения. В этом отношении имя «Хиекка» должно быть поставлено в ряд других имен, из которых я лично могу назвать только Марбург, Шлезвиг, Франкфурт, Бьевр, Тейнихарью. На самом деле их вероятно гораздо больше. Эта общая тема может быть здесь только упомянута, ибо ее проблематика представляет собою главу столь сложную и ответственную, что ее нельзя обсуждать «между прочим».

Уезжая с удачного съезда, невольно спрашиваешь себя: каковы будут его плоды (не в смысле вынесенных его участниками впечатлений, а в смысле реального продолжения его работы)?

Ответ на этот вопрос зависит в первую очередь от того, сумел ли съезд вдохновить кого-либо на каждодневный подвиг обычной деловой работы. В этом отношении мы покинули Финляндию с чувством большого (и обоснованного) оптимизма. Представители старшего поколения, участвовавшие в съезде (Прот. Иоани Сухола, епископ Сормунен), относятся к этой работе благожелательно и ответственно. Но в церковной работе важны не только управители — кучера, но и тяговая сила, — церковные лошади. Без них телега двигаться не может. В финском экуменизме таковые, слава Богу, имеются. Мы причисляем к ним: с православной стороны — неутомимого молодого ученого Хейкки (Федора) Киркинена, а с лютеранской стороны (да простит она мне это сравнение) — Ингу Бриту Кастрен, которая соединяет вдумчивость лютеранского богослова с организационным талантом церковного деятеля. Словом благодарности и пожелания им помощи Божией в их работе, мне хотелось бы закончить этот отчет.

Л. Зандер.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ЛЕТНЕГО ЛАГЕРЯ Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ.

I.

Летний лагерь 1955 г. с его радостями и волнениями закончен и ушел в прошлое. А волнений и забот было много. Только подумать, что на 6 недель создается городок, где проживает больше двухсот человек.

Это был одиннадцатый лагерь после второй мировой войны и тридцатый за всю историю Русского Студенческого Движения и Дружины Р.С.Х.Д.

Три лагеря (летний, зимний, пасхальный), два годовых съезда, зимние воскресные сборы и походы, кружки, — вот те формы, в которых РСХД ведет свою работу со студентами и школьной молодежью. Лагерь, это самая длительная и самая широкая по размерам работа.

В этом году в лагере перебивало 260 человек. Из Ниццы и Канн приехало больше тридцати человек студентов и детей. Это результат планомерной годовой работы Н. В. Гейт на юге Франции. Приехали и из других городов: из Лиона, Кресо и Биаррица.

Группы русской молодежи приехали из Англии (7 чел.), Бельгии (9 чел.); приехали отдельные члены РСХД из Германии, Швейцарии, Дании и Финляндии. Была группа иностранных студентов, изучавшая русскую литературу и русский язык. Была группа родителей и гостей.

Лагерь никогда не проходит бесцветно. Глохое или хорошее, но впечатление всегда резко, выпуклое. Настоящая оценка происходит позже. Мелкие события, раздоры, неудовольствия так часто мутящие и волнующие лагерную жизнь, тускнеют и отходят на задний план и тогда легче становится оценить лагерь и всю его работу.

Осуществление лагерной программы требует большого напряжения как со стороны студентов, так и со стороны Дружины. Лагерная работа следует строго продуманному плану: богослужения, лекции, уроки, чтения, походы, спорт, костры. Вся эта программа отвечает внутренней потребности, дает внутреннее удовлетворение всем участникам лагеря.

Церковная жизнь лагеря шла по уже установившейся традиции: утренние и вечерние молитвы с толкованием читаемого Евангелия (чаще это делали руководители), воскресные и праздничные литургии, уроки Закона Божьего и истории Церкви; общее говенье в конце лагеря, хотя и не обязательное, объединяло вокруг Чашки весь лагерь. Исключением составило только несколько человек.

Однодневные походы по отрядам совершались раз в неделю. Трехдневный поход с подъемом на гору был на половину пеший, на половину «моторизованный». В пятидневный «летучий» лагерь поехали 45 человек. Эта разновидность походов увенчалась большим успехом. Были организованы, кроме того 4 экскурсии на автокарах.

Общей темой для докладов, в студенческом лагере, были Л. Толстой и А. Чехов, в лагере Дружины: Смутное время и Борис Годунов. Одновременно читались и разбирались литературные отрывки. Все это нашло большой отклик в среде слушателей.

У костра, кроме традиционного пения студентами и Дружиной был проведен целый ряд постановок и чтений с мимической игрой пьес, картин и скетчей Чеховского и Гоголевского репертуара. Дружина сделала еще несколько постановок из эпохи Бориса Годунова по А. Толстому и Пушкину. Все аксессуары, костюмы, делались в лагерной мастер-

ской самими актерами и любителями этого дела. Здесь не было предела изобретательности и фантазии. Из ничего создавались целые декорации и костюмы. Эти работы выполнялись по картинам и иллюстрациям. Все это немало способствовало наглядному знакомству с изучаемой эпохой. Вообще костер играет большую и положительную роль в лагерной жизни.

Регулярно давались уроки русского языка и русской истории. Дети были разделены на группы говорящих и не говорящих по-русски. Очень увлекались спортом и гимнастикой, благодаря серьезно продуманной программе этих занятий. Лагерная газета «Русь» выходила раз в неделю. В заметках, статьях, стихах и рисунках отражалась вся жизнь лагеря....

Ю. Демидов.

II.

«Noblesse oblige» — «благородство обязывает» говорит вдохновенная рыцарскими временами французская поговорка. А что может быть благороднее звания христианина? Но это звание должно быть оправдано. Многим кажется, что быть православным христианином — это значит отречься от всех радостей жизни, от всех ценностей культуры.

Истекший лагерь показал, как нельзя лучше, что церковная жизнь может соединиться с интенсивною молодою радостью и с кипением жизненных сил во всяких условиях.

Лагерь-паломничество... Какой удивительный и какой глубокий замысел. И самое удивительное, что в таком замысле нет никакой надуманности, нарочитости. Само собою вышло, что домовая лагерная церковь оказалась мистическим средоточием лагеря, его духовным солнцем, согревавшим и питавшим души, подобно тому, как видимое, материальное солнце согревало радостно дышащие молодые существа... А солнце, к счастью, в это лето щедро рассыпало свои лучи — и походы «вылеты из лагеря» были поэтому в истекшее лето особенно удачны. В этом отношении, следует отметить одно новшество: опыт недельного похода при уже подлинно лагерных, «спартанских» условиях, столь подходящих для укрепления молодых организмов истомленных трудной зимней учебой. Опыт этот удался и несомненно будет повторяться и расширяться, при расширенных технических возможностях и при соответственном оборудовании... Кстати скажем несколько слов и об этом. Постепенно, из года в год, совершенно первобытные условия первых лагерей РСХД в этой дивной горной местности превращаются в благоустроенный во всех смыслах уголок, вызывающий симпатии, даже местных жителей. Впрочем и французская молодежь все более и более начинает присматриваться к условиям жизни лагеря РСХД и явно одобряет их, так что в перспективе несомненно дружеское общение наций вокруг единого православного алтаря и на лоне православной культуры... В это лето царил музыка в истинном смысле этого слова, музыка высокая художественная, классическая. Такая музыка — могучее средство подъема и роста духовных сил, не говоря уже о том, что она является неисчерпаемым родником духовных наслаждений. Администрация лагеря давно уже обратила свое внимание на эту сторону и предоставила в этом году участникам лагеря возможность прослушать ряд опер в интегральном исполнении.

Программа проводимая в музыке, оказалась в этом году столь же последовательно проводимой и в области литературы, богословия и философии...

6-10-55, Париж.

В. Ильин.

III.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ.

Русское Студенческое Христианское Движение, кажется, единственная организация, устраивающая, кроме детского лагеря, еще совсем особый лагерь — студенческий. В этот лагерь приезжают не только члены Движения, но часто члены других организаций, не имеющие возможности проводить лето в своих детских лагерях. Приезжают туда и французы и англичане, желающие выучить русский язык. Но, несмотря на такой разнообразный состав, студенты живут очень дружно. Состав студентов с каждым годом меняется — приезжают новые люди, появляются новые интересы. Под руководством З. И. Верник и И. В. Морозова студенты сами создают свою жизнь.

Лекции и собрания происходят обыкновенно в клубе. Этим летом мы слушали лекции на религиозно-философские темы и по истории русской литературы, прочитанные, большей частью, В. Н. Ильными, но иногда и другими членами Движения и даже самими студентами. Лекции о музыке были заменены в этом году концертами (в пластинках), происходившими три раза в неделю. В прекрасном исполнении мы прослушали оперы: Евгений Онегин, Пиковая Дама, Борис Годунов, Князь Игорь, симфонии Бетховена, концерты Моцарта....

Больше всего сближают студентов походы в горы. Уходит маленькая группа человек в 15 и дня два живут они вместе. Тут то и узнаешь своих спутников и начинаешь их ценить.

Первые две недели лагеря проходят довольно медленно — люди отдыхают от зимних занятий. Потом дни начинают бежать, и с ужасом замечаешь, что уже осталось очень мало времени... Как грустно, когда нагруженные автокары покидают вечером лагерь, когда в последний раз видишь наши озера и горы! Еще грустнее, когда приходится уехать до конца, пропустить общее говенье, лагерьный праздник, последние дни....

Но и в том и в другом случае утешаешься мыслью, что все это возобновится в будущем году. И уже с 1-го сентября начинаешь мечтать о следующем лагере!

Е. Павлович.

ОСЕННИЙ СЪЕЗД Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ.

Осенний съезд Движения находился в течение ряда лет, как бы в положении «младшего брата» по отношению к своему «старшему брату» — весеннему съезду.

Располагая всего двумя днями для его проведения, устроители осеннего Съезда не могли развернуть широкую программу. С другой стороны, осенью нельзя было рассчитывать на приток участников из провинции и тем более из-за границы. Приходилось ограничиваться скромными рамками первоначального задания. Несколько лет тому назад была сделана даже попытка придать съезду «деловой» характер путем устройства на нем общего собрания с годовыми отчетами, выборами и т. п. Этот опыт оказался не вполне удачным; повторен он не был. И вот, два года тому назад, произошло некое чудо, скромное, но все же чудо: осенний съезд вырос, стал событием движенского года, по своему значению почти не уступая трехдневному весеннему съезду. «Младший брат» дотянулся до плеча «старшего» и продолжает расти.

Три последних осенних съезда показали, что им принадлежит определенное место в календаре движенского года, как по числу их участников, так и по уровню докладов и тому интересу, который был к ним проявлен.

Так, в этом году осенний съезд привлек до 135 участников, среди которых были представители не только французской провинции (Лиль, Кресо, Ницца), но и заграничные (Бельгия). Всеобщий интерес и взаимное расположение вызвал юноша — абиссинец, студент богословского факультета афинского университета, который впервые посетил наш съезд.

Что касается самих докладов, то построены они были в этом году не совсем обычным образом: для каждой темы было намечено два доклада, из которых первому представлялось только 20 минут времени, а второму 40.

Общая тема Съезда: Нагорная Проповедь (Мф. 5, 6, 7) позволила выделить 4 частных темы, давших чрезвычайно обильный материал как для докладчиков, так и для всех принимавших участие в групповых обсуждениях. Первая тема: «Заповеди блаженства» была разработана Т. Б. Струве и свящ. о. Г. Сериковым. Последний, остановившись подробно на заповеди «блаженны плачущие», выдвинул ряд очень интересных и оригинальных мыслей, которые вызвали живой обмен мнений. Вторая тема: «Отношение христианина к самому себе и к ближнему» была поручена Н. В. Гейт и прот. В. Баксту. Эта богатая тема видимо вдохновила докладчиков, которые в последовавшем обсуждении в группе, отвечая на поставленные вопросы, прочли как бы новые доклады на ту же тему.

И. В. Морозов и П. Е. Ковалевский разделили между собой бывшую всегда «актуальной» и ставшую теперь чрезвычайно острой тему: «А Я говорю вам: не противься злому». Обсуждение этих докладов в группах вызвало немало выступлений, во время которых неоднократно возвращались к основным тезисам учения Л. Толстого о непротавлении злу насилем. На четвертую тему: «Любите врагов ваших» откликнулись, каждый по своему, Алексей Пуремский (его доклад был оглашен, т. к. сам докладчик не смог приехать) и протопресвитер о. Василий Зеньковский.

Если принять, что в течение первого дня доклады и их обсуждения стремились к раскрытию сокровенного смысла Нагорной Проповеди, то для второго дня характерным было приглашение о. В. Зеньковского «спуститься на землю», чтобы выслушать несколько практических советов и указаний, которые позволили бы говорить о Нагорной проповеди, в порядке применения к нашим жизненным условиям заповедей Спасителя.

Ежедневные утренние и вечерние богослужения съезда посещались подавляющим большинством его участников; большое их число подошло в воскресенье к Св. Чаше.

В воскресенье днем съезд посетил преосв. Сильвестр, епископ Мессинский, прослушавший оба доклада на тему: «Любите врагов ваших».

А. В. Морозов.

СЪЕЗД Р.С.Х.Д. В АМЕРИКЕ.

С третьего по пятое сентября с. г. состоялся третий съезд Р.С.Х.Д., в Калифорнии. В этом году съезд был устроен в женском Св. Успенском монастыре в Калистоге.

Открывая съезд, о. Георгий Бенигсен, председатель Движения в Калифорнии, говорил о том, чем должен для нас являться съезд, т. е. паломничеством из нашей будничной, каждодневной жизни в область духа, в область мысли, в область подлинного общения друг с другом.

Общей темой съезда было «Православие и современность». В докладах и дискуссиях встал вопрос о том, противопоставляем ли мы православие современности, Церковь — жизни, христианство — миру или же объединяем их.

Свящ. Димитрий Гизетти в своем докладе «Церковь и жизнь», говорил о том, что христиане имеют двойное гражданство — земное и небесное, напоминал о том, что христиане должны хранить себя от зла мира, но что в то же время бегство из мира не является спасением.

Светлой верой в победу христианства в мире был пронизан доклад проф. Г. К. Гинса, который говорил, что пока существует христианство, мы можем верить в прогресс. Часто материальный прогресс используется на разрушение, зло. Нужен непоколебимый авторитет, который является критерием для определения того, что действительно прогрессивно. Таким критерием является христианская религия. Христианство это та сила, которая может вывести мир на путь истинного прогресса.

Свой блестящий доклад «Русская религиозная философия и современность», д-р Н. П. Полторацкий закончил призывом изучать идейное богатство, завещанное нам русской религиозной философией и использовать это богатство для уяснения проблем современности, стараться умножить это богатство в меру сил и возможности каждого, «памятуя о том, что мы, хотя и живем во времени, в истории и в современности, но обращены к вневременному, к вечности».

Д. Д. Григорьев в своем докладе «Положение Православной Церкви в современности» затронул наиболее важный вопрос разделения православной церкви. Н. П. Маравский в своем докладе «Настроения советской молодежи» говорил о тех новых, идеалистических и не материалистических настроениях советской молодежи, которые заметны в последнее время и даже проскальзывают в печати.

Последний и заключительный доклад был прочитан о. Георгием Бенигсеном на тему съезда «Православие и современность». О. Георгий говорил о том, что христианство и современность противопоставляются в наши дни так же, как они противопоставлялись две тысячи лет тому назад. Христос говорил о том, что царство Его не от мира сего. И мы чувствуем, где-то в глубине нашего сердца, что понятия веры и мира, Церкви и жизни не совпадают. Современность больше всего отталкивает нас своим отношением к человеку. Человек является объектом борьбы между добром и злом. Современная жизнь делает все для того, чтобы личность эта исчезла в массе или же была бы всецело подчинена обществу, классу. Свобода, которую дает мир — не освобождает. Только свобода во Христе, отрывая человека от мира, дает ему мир по настоящему, делает человека соучастником и соработником Божиим и во времени и в вечности. Только уходя к вечным истинам духа, мы по настоящему подходим к миру.

Церковь призвана для того, чтобы спасти мир. В общечеловеческом организме, мы сотрудники Бога в деле спасения мира. Человек — проводник греха в мире и через него же может вернуться благодать и прощение.

Уход от жизни, от мира, уход в пустыню — не единственный выход; Церковь зовет к тому, чтобы на каждом месте, везде в жизни, человек чувствовал бы себя соработником Божиим в деле спасения мира.

Съезд был удачен по настроению; этому очень способствовала атмосфера монастыря, маленькая монастырская церковь, монастырские службы.

В воскресенье к Св. Чаше подошли почти все участники съезда, во всем чувствовалось единодушие присутствовавших. Для всех нас — участников — съезд действительно явился паломничеством из нашей будничной жизни и не просто паломничеством в стены монастыря, а к тому, что подлинно и важно в жизни.

Об успехе съезда лучше всего свидетельствует просьба участников — устраивать съезды не один раз в год, а по возможности чаще.

Съезд кончился. Все выходят из монастырской церкви после последней молитвы. Надо уезжать и жаль, так было хорошо в эти короткие три дня и не хочется возвращаться назад к обычной жизни.

Будем надеяться, что все участники сохраняют это светлое чувство и пронесут его в жизни до следующей встречи — нашего следующего съезда.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

- Во Франции:** Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15°. C.C.P. Paris 2441-04.
- в Марокко:** Mme E. Mirkovitch, 36 Derb Abda Kasba, Marrakech, Medina, Maroc.
Обычная подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.
- в Америке:** Miss. Olga Serebinsky. 34 Rutledge Ave Trenton, N. J. U.S.A.
- San-Francisco:** Miss. Olga Raevsky, 1866 Green Street, San Francisco 23, Calif. U.S.A.
Обычная подписная плата на год: 2 долл., с целью поддержки — 4 доллара.
- в Англии:** Mrs. Frank-Scorer, 46 Corringham Road, London N. W. 11.
Подписная плата на год: 9 s. 6 d.
- в Австралии:** Polyglot Book Depot Melbourne. P. O. Carrum. Victoria, Australie.
Подписная плата на год: 18 австралийск. шиллинг.
- в Бельгии:** Mme N. Sereida, 99, rue des Wallons, Liège.
Подписная плата на год: 72 бельг. фр.; цена отд. номера 18 бельг. франков.
- в Германии:** Herrn A. Beerwald. Baidt. 14-b Krs. Ravensburg. Württleg. Allemagne.
Подписная плата на год: 6 герм. марок.
- в Финляндии:** Rev. S. Fülín. Mannerheimintie 8, Helsinki.
Подписная плата на год: 400 финляндских марок.
- в Швеции:** Prost. S. Timtchenko. Box. 6093, Stockholm, S.

Редактор: И. В. Морозов. — Directeur responsable P. A. Struve.
Imprimerie de Navarre, 11, rue des Cordeliers, Paris.